АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ
АЛЕКСАНДР ШАПОЧКИН
ОСКОЛКИ КЛАНА
ТОМ 2

Игнис

Александр Шапочкин

Осколки клана. Том 2

«Шапочкин Александр »
«Широков Алексей Викторович»

2022

Шапочкин А. И.

Осколки клана. Том 2 / А. И. Шапочкин — «Шапочкин Александр », «Широков Алексей Викторович», 2022 — (Игнис)

Выжив в бойне устроенной «Садовниками» на выпускном испытании Антон возвращает себе фамилию Бажов. Москва узнаёт о возрождении клана «Зеленоглазых бестий», но его единственному представителю не до политических игр. Мало того, что после проведённого над ним ритуала два ядра его источника слились, образовав новую стихию – «жидкое пламя», так ещё засунули в команду с такими же «гениями поколения». А в наставники дали человека, что пообещал загонять их до смерти, но сделать лучшими из лучших во всём полисе.

© Шапочкин А. И., 2022
© Шапочкин Александр , 2022
© Широков Алексей Викторович, 2022

Содержание

Пролог 5
Глава 1 13
Глава 2 22
Глава 3 31
Глава 4 41
Глава 5 53
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Алексей Широков, Александр Шапочкин Осколки клана. Том 2

Пролог

Тихо капала вода в бесконечных вереницах коридоров и переходов, её многоголосое эхо потусторонней музыкой доносилось отовсюду, отражаясь от стен и сливаясь с журчанием переполненных подземных каналов и отдалённым рёвом бурлящих потоков, вырывающихся из многочисленных сливов. И вот надо было случиться ночному осеннему ливню именно сегодня! Именно сейчас, когда я отправился штурмовать московскую канализацию. И ведь весь день над головой не было ни единого намёка даже на обычное облачко.

Мысленно хмыкнув, я покрепче сжал ножи, взятые обратным хватом, и со счёта на «два» из трёх цифр, вывернулся из-за угла, всаживая ближайшей твари клинок под почти отсутствующий подбородок, а следующим движением с разворотом вгоняя другой в сердце следующей. Третьей же просто свернул шею, благо позиция оказалась очень удобной, а кости существа хлипкими, как у варёной рыбы.

Даже не знаю, что это были за создания, буквально заполонившие канализацию, стоило только начаться дождю. Чуть ниже меня, антропоморфные и до одури хлипкие уродцы со свисающим до колен булькающим пузырём болтающегося пуза, не склизкой, но дряблой и жидкой белёсой кожей и круглым похожим на зубастую присоску ртом, над которым отсутствовал нос, но имелись неприятно человеческие, слезящиеся гноем грустные глаза.

Понятно, что эти уродцы имели какое-то отношение к водному плану и соответствующей стихии. Да и внешним видом чем-то напоминали утопцев, нежить, часто встречаемую в Зелёной Зоне между полисами Киев и Варшава и редко в остальной Восточной Европе, как утверждал наш школьный учебник. Вот только эти существа были именно что живыми, но дохли с полпинка и старались убежать при первых же признаках опасности.

Мистерион нам хоть и втолковывал об опасных существах, которых можно встретить в Полисе, прячущихся как на уровнях, так и здесь, под ним, но всё это были случайные одиночные монстры, встретиться с которыми мы могли только в теории. Это же скорее походило на массовое нашествие на Москву неизвестных науке тварей! К тому же уже незаметно для многочисленных чародеев плотно прижившихся прямо под Полисом…

Двойками, тройками и четвёрками взрослых особей они бродили по мостикам и вдоль каналов рядом со сливами и вылавливали любую проплывающую мимо падаль. От вспухших кишащих червями лилипов и крыс до свежих человеческих трупов, смываемых потоками воды. Всё, что плыло, вылавливалось, вытаскивалось на берег и немедленно, с радостными похрюкиваниями поглощалось существами, рты которых работали как натуральная промышленная мясорубка.

И не дай Древо, чтобы сейчас на моём месте оказался бы обычный человек, а не чародей, пусть и студент, но в голову, которого уже забили хоть какие-то знания преподаватели и наставник. Его бы сожрали живьём! Я, свято чтущий принцип «убей непонятную тварь или спрячься от неё», впервые столкнувшись с ними, сделал последнее. А потому видел, как эти с виду робкие создания схарчили «Судота», водную безлапую ящерицу почти шести метров в длину, с которой не уверен, что сам бы справился.

Да что уж там говорить, я стал бы её ужином, причём, возможно, уже не один раз, потому как это редкое чудовище обычно обитает на дне рек, чувствует взгляд под толщей воды, а нападает исключительно в спину прошедшему мимо по берегу существу. В другое же время её вообще трудно обнаружить, и охотиться оно начинает примерно через год залегания. Это

время ящерица проводит в спячке, отравляя придонные отложения своей живицей на многие километры вокруг, и свыкается с вибрациями почвы в охотничьем ареале, начиная чувствовать даже самые незначительные колебания типа человеческих шагов. При этом местечко он себе выбрал у тоннеля с кельями, где я не так уж давно прикончил наёмников и спас мальчишку идиша.

Так что можно с уверенностью сказать, что в тот раз мне просто несказанно повезло! То ли монстр охотился в тот момент в другой части своих владений, то ли ещё не вышел из спячки… в любом другом случае мною бы просто поужинали, так что я и пикнуть бы, наверное, не успел.

В общем-то, мне в тот коридор сейчас было без надобности, и я просто прятался, дожидаясь, когда неспешно бредущие вдоль канала белёсые свалят подальше, чтобы я мог проскочить в нужное ответвление, ведущее к решётке с меткой. И именно этот момент выбрал ящер, дожидавшийся своей жертвы в бурлящем потоке переполненного канала.

Мгновение – и огромная туша чудовища выбросилась из воды, хватая только что прошедшего мимо уродца своими жуткими телескопическими челюстями и подминая его под себя. Оно так и начало жрать его прямо на бортике, не обращая внимания на вторую тварь, которая спустя мгновение, заверещав, отбежала в сторону и принялась подпрыгивать, издавая всё те же неприятные, похожие на скрип звуки.

Оказалось, что так белёсые в случае опасности подзывают себе подобных. Они полезли, буквально отовсюду: из каких-то щелей, вентиляционных шахт и соседних коридоров набежала целая толпа попискивающих уродцев, тут же храбро накинувшихся на обидчика. Из ниши, в которой я заблаговременно укрылся, было прекрасно видно, как погиб Судот, ставший в мгновение ока из охотника жертвой. Князь заболоченных берегов и подземных протоков сражался до последнего, но ничего не мог сделать с облепившей его массой человекоподобных уродцев, умирающих, но упорно работавших своими клыкастыми ртами-присосками, заживо пожирая его плоть. И уж как только гигант не извивался, катаясь по бортику и давя своим массивным телом хрупкие фигурки… его всё равно сожрали, в то время как подоспевшие к концу сражения новые партии уродцев деловито занялись дегустацией своих же павших сородичей.

Ещё один эпизод многосерийной драмы о жизни чудовищ, обитающих под московскими небоскрёбами, я наблюдал чуть позже, став свидетелем встречи группы уродцев с троглодитом. Пусть не «охотником», а «собирателем», что были куда слабее и питались по большей части падалью, но описывались как значительно более вёрткие и непредсказуемые противники.

Судя по всему, эта особь тоже вышла побродить по каналам в поисках того, что Уроборос и проливной ливень пошлёт ему на стол от щедрот «Большого Города». В свою очередь, как и для меня, появление белёсых уродцев стало для троглодита сюрпризом. Он как раз неспешно вышел из-за поворота тоннеля, рассматривая бурлящие воды, когда на его пути вдруг оказались три непонятных создания, занимающихся, по сути, тем же самым и тоже удивившихся подобной встрече.

Чудовища даже замерли секунд на тридцать, с интересом осматривая друг друга, а затем «собиратель», видимо, не найдя в конкурентах ничего опасного для себя, издав воинственный вопль, атаковал. Бой вышел коротким и не особо зрелищным, а победила дружба, самопожертвование и взаимовыручка. Одному из уродцев, видимо, отводилась роль добровольной жертвы, и он, радостно вереща, сам бросился в лапы троглодита, попытавшись обнять того, как родного, и поцеловать своей присоской куда придётся.

Сдох, он, конечно, очень быстро. Даже обычный человек, вот так вот изодранный острейшими когтями, промучился бы ещё некоторое какое-то время. Однако дело своё сделал, и второй его приятель сумел сбить дерущуюся парочку с ног и, повалив подземного монстра, вцепился ему в спину чуть пониже загривка, отрывая и тут же пожирая, а точнее, всасывая крупные куски кожи и мяса пронзительно завизжавшего троглодита. Третий же, к моему удив-

лению, поступил нестандартно, а проявил фантазию и неожиданную силу, потому как, вырвав из соседней колонны приличного размера камень, несколько раз обрушил его на голову врага. Попав, правда, разок и по своему тут же жалобно заскулившему товарищу. Когда же троглодит, подёргавшись в последний раз, затих, его победитель и пострадавший от дружеского огня подранок сразу же принялись насыщаться. Один поверженным монстром, а другой – своим мёртвым товарищем.

В любом случае дожидаться окончания внезапного пиршества я не стал. Отмечавшие кровавой тризной свою победу уродцы выбрали для этого неподходящее место, а меня поджимало время, так что уже спустя минуту я выдёргивал из трупов белёсых свои ножи, с гордостью отмечая, что за последнее время научился метать их очень даже прилично. Пусть и не всегда точно и пока что только с правой руки. Левая же требовала долгих и нудных упражнений, а стать амбидекстром, таким, как Громов, Ефимова, да и все остальные клановые ребята, мне и вовсе, наверное, было не суждено. Для этого следовало тренироваться с самого детства, когда мозг и моторика ещё очень пластичны, и выработать нужные навыки у ребёнка не составляет труда. В моём же случае, хорошо, если я научусь нормально бросать ножи, если правая рука занята, не более.

Вынырнув из воспоминаний, я быстренько столкнул только что убитую мною троицу монстров в канал, благо их тела почему-то очень хорошо тонули, а привлекать внимание их собратьев или других подельщиков бесплатным угощением мне не хотелось. Прислушался и, не заметив никаких подозрительных звуков, бесшумно, двигаясь вдоль стены, заскользил дальше, в тайне радуясь, что скоро начнутся сухие коридоры, где и была расположена нужная мне решётка.

Вообще, конечно, в нынешней ситуации следовало бы сразу же повернуть назад и наведаться в канализацию позже, когда белёсые монстры уберутся восвояси в ту клоаку, из которой повылазили. Вот только было два «но», из-за которых я, собственно, и решил продолжить этот поход. Во-первых, когда начался ливень и полезли белёсые, я успел забраться достаточно глубоко и возвращаться к входу было как бы не дольше и опаснее, нежели двигаться вперёд. Ну и во-вторых, на дворе середина осени, и рассчитывать на хорошую погоду вообще не приходилось. Дожди в это время могут лить круглыми сутками, так что в следующий раз, возможно, спуститься в канализацию выдастся, только когда ударят крепкие морозы. Да и то не надо забывать, что здесь внизу даже в самую лютую зиму из-за парникового эффекта Полиса вонь, туман, вечная слякоть и те же потоки воды, только уже талой.

Осторожно подойдя к очередному нужному мне ответвлению тоннеля, я достал из кармашка зеркальце и с его помощью аккуратно заглянул за угол…

– Да твою ж мать-то! – в сердцах сквозь зубы выругался я. – Что ж мне так не везёт-то сегодня?!

Собственно, причина недовольства услышать меня не могла, даже если бы я проорал это в полный голос. Она, а точнее, «он», потому как малых эллементалей, как коффий, принято именовать в мужском роде, ушами не обладал и спакойненько бурлил себе в центре канала в окружении причудливо изогнутых дугами чуть колышущихся в воздухе водных потоков. И самое хреновое было то, что обойти это создание другими коридорами, может, и получилось бы, но вот сколько на это уйдёт времени я не знал.

– Знать бы ещё, «истинный» ты или «ложный»… – задумчиво произнёс я, продолжая через зеркальце внимательно рассматривать обитателя водного плана.

Истинными элементалями назывались те, которые в нашей реальности действительно были всего лишь гостами. И это – тушите свет! Даже для того чтобы справиться с самым слабым порождением первородной стихии нужна слаженная боевая чародейская рука, желательно с неслабым опытом в борьбе с чудовищами.

Другое дело, «ложные» или «проявлённые». Они хоть и похожи внешне, но не настолько могущественны, потому как являются отражением стихий уже нашего мира. Кстати, таковых у электрических эллементалей не бывает, что считается чуть ли не главным доказательством того факта, что мы, люди, обитатели именно электрического плана бытия.

Помимо прочих отличий «проявлённые» всегда обладают естественным биологическим ядром. Оно достаточно маленькое, но может быть чем угодно: от живого человеческого младенца или крысы до отрубленной конечности или вырванного куска мяса, если в ещё не до конца отмершую плоть успел вселиться соответствующий дух, который и начал собирать вокруг себя концентрированную живицу своей стихии.

Вот с таким я как носитель стихии огня чисто в теории могу и совладать. Даже являясь студентом-первокурсником. Если, конечно, получится отвести его подальше от канала, лишив прямого доступа к воде, а ещё лучше вообще всякого! Потому как он не просто из неё состоит, водный эллементаль, даже не «истинный», в отличие от того же чародея с этой стихией, ею не «пользуется», а «повелевает» напрямую!

Верится, конечно, с трудом, но на уроках географии нам рассказывали, что есть на Земле такие области, которые называются пустынями. Много- много песка от горизонта до горизонта, что представить, если честно, ещё труднее, чем, например, такие явления как моря или океаны. Так вот, если поместить гипотетического лодного водного эллементаля в одну из этих самых пустынь, то я порву его, как бешеный лилип грелку!

Другими словами, здесь и сейчас, при этой всепроникающей сырости, с льющимися из всех щелей нескончаемыми потоками воды я против этой махины размером с трёхэтажный дом, большая часть которой к тому же сидит прямо в переполненном канале, не имею вообще никаких шансов! И плевать «ложный» он или нет, если и имеется у этого создания материальное ядро, то прячет он его, наверное, где-то на дне, так что добраться до него не получится в любом случае. Но вот сидеть и ждать, покуда он куда-нибудь свалит, глупо. Бродить вслепую, надеясь найти обход в нужные мне тоннели, тоже, как я уже сказал, не вариант.

«Значит, надо как-то пробраться мимо него, желательно таким образом, чтобы он на меня не напал, – подумал я, вновь через зеркальце изучая живое препятствие. – Основной вопрос в том, как это сделать! Потому как одно дело сказать, а другое реализовать…»

Что я ещё знал о данном типе эллементалей? Да, к сожалению, ничего такого, что не входило бы в краткий курс школьной программы. Во-первых, в любой из доступных им ипостасей это не монстр, чудовище или одержимый, а самый что ни на есть классический стихийный дух. А вследствие того, что состоит он из воды, эллементаль довольно медлителен… точнее сказать, у него замедленные стартовые реакции, но вот если он раскочегарится, то плохо становится всем вокруг. Ещё все они слепы и глухи, не чувствуют запахов, да и вообще, ощущают окружающий мир на недоступном человеку уровне.

По поводу агрессивности – тут прямо так и не скажешь. Очень уж ситуативно ведут себя подобные существа, потому как могут в одном случае вообще чем-то помочь, в другом – не обратят на человека никакого внимания, а в третьем – атакуют сразу же, как заметят. А ещё в учебнике содержалось примечание, что на пересечённой местности сражения с водными эллементалямми ведут, предварительно заняв доминирующую высоту.

– А почему бы и нет… – задумчиво произнёс я, рассматривая декоративный аркадный поясок из полуколонн под самым сводом тоннеля, который маскировал как дополнительные сливы, так и технические воздушные шахты.

В общем-то, если двигаться аккуратно, то по имеющемуся там небольшому карнизу вполне можно будет прокрасться мимо существа, да и находится это декоративное излишество канализации над основной массой водного эллементаля… Другое дело, что шансы у меня тут – пятьдесят на пятьдесят. В общем-то, такие же, как в том случае, как если бы я просто прошёл мимо по набережной канала, если, конечно, в той заметке про «преобладающие высоты» не

содержится нечто большее, чем напоминание о том, что эта хрень состоит из воды и может просто-напросто утопить неудачно сунувшегося к нему чародея.

Отойдя чуть назад, я примерился и, подав живицу в ноги, подпрыгнул, хватаясь пальцами за небольшой каменный поясок, обрамляющий арку одной из ниш. Раскачался немного, а затем рывком подбросил себя вверх, уцепившись рукой за склизкую, похожую на бойницу щель дренажного слива, пальцами второй нащупав чуть выдающийся над другими камень. И, подтянувшись, встал одной из ног на удобную опору.

К сожалению, я никогда особо не лазил по отвесным стенам, да и, признаться, в Нахаловке популярной у шпаны «проходкой» никогда не увлекался. Искусство быстро сбежать с места преступления, пользуясь особенностями большой и малой архитектуры Полиса, да так, чтобы ни один жандарм тебя не догнал, прошло как-то мимо меня, да и травмоопасно для обычного человека то, что вытворяли наловчившиеся проходчики. Пока научишься выполнять какой-нибудь трюк с правильным пацанским самоназванием вроде «Сопля на качелях», сто раз себе ноги и руки переломаешь. У чародеев же подобному вообще не учили. Зачем, если уже к концу первого курса практически все студенты свободно бегают по стенам и потолкам, а тот же мой спринт по крышам в погоне за похитителем Нинки вообще ни один проходчик не повторит.

Поднапрягшись, я швырнул себя в сторону, ухватившись обеими руками за выемку, оставшуюся от выпавшего когда-то из стены камня, и, упершись ногами прямо в стену, подбросил себя прямо вверх почти под самый карниз. А вот для того, чтобы забраться уже на него, пришлось немного попыхтеть, однако в результате у меня это получилось, и я, устроившись на корточках, придерживаясь руками за полуколонны, тихо выдохнул, переводя дух.

Не то чтобы подобное восхождение далось мне тяжело, просто я реально боялся соскользнуть и сверзиться вниз, и ладно бы на более-менее сухую дорожку вдоль канала, но вот в воду мне падать очень и очень не хотелось. Так что, передохнув, я выпрямился и бочком, бочком двинулся в нужном направлении, аккуратно ставя ноги на оказавшийся довольно склизким бортик, служивший, как выяснилось, жёлобом для малых водоотводов.

То, что я долбаный авантюрист и, вообще, в последнее время проявляю задатки самоубийцы, понял, когда оказался прямо над эллементалем. Особенно когда флегматично бурлящая до этого масса воды, окружённая парящими в воздухе дугообразными потоками, вдруг зашевелилась и величаво поплыла к повороту тоннеля, откуда я до этого наблюдал за существом. Однако и этого хватило, чтобы я замер, на какое-то время даже забыв, как дышать. То ли стихийный дух меня не заметил, то ли ему было плевать на какого-то там человечка, но только когда махина величаво скрылась за поворотом, выбрав, правда, не тот тоннель, по которому я пришёл, вспомнил, наконец, что неплохо бы организму получить новую порцию воздуха, а заодно тихо, но смачно выругался.

Спускаться вниз я покуда не решился, а так медленно и аккуратно добрался верхами до нужного створа сухого, идущего чуть вверх коридора, и только тогда, соскользнув на пол, мгновенно юркнул в него, желая как можно быстрее оказаться подальше от опасных каналов. Всё же к встрече с подобными существами жизнь меня пока не готовила. И это было страшно. Люди, монстры и тому подобное, да даже тот наёмник-чародей, с которым мне недавно случилось схлестнуться, хоть и были чрезвычайно опасны, но не производили такого ужасающего впечатления, как этот стихийный дух, встречаться с которым ещё раз совершенно не хотелось.

До нужной мне решётки, отмеченной клановой тамгой, я добрался спустя ещё полчаса без каких бы то ни было серьёзных приключений. Так, пару раз замирал на несколько минут, когда из ведущих неизвестно куда коридоров до меня долетали ужасные нечеловеческие, полные то тоски, то безудержной ярости вопли. Признаться честно, я и не подозревал, что канализация Москвы так густо заселена разнообразными монстрами, но и это, если верить слу-

хам и городским легендам, всего лишь цветочки, по сравнению с теми тварями, что вроде как водятся в этих тоннелях.

Так что, оказавшись у цели своего путешествия единым и ненадкусанным куском с потерей всего одного, неудачно отскочившего от головы белёсого монстра в воду, ножа, я облегчённо выдохнул. И даже позволил себе некоторое время посидеть, привалившись спиной к стене прямо под тускло сияющей зелёной меткой, и только после этого взялся за осмотр решётки.

В общем-то ничего сложного. Один из прутьев сразу показался мне каким-то слишком уж шатким, особенно снизу, так что, опустившись на колено и расковыряв клинком грязь, скопившуюся у его основания, я обнаружил идущий спиралькой желобок, по которому железяка легко сдвигалась в сторону, позволяя пролезть в получившуюся щель взрослому человеку.

Вернув прут на место и замаскировав канавку, удвоив бдительность, я медленно двинулся по опускающемуся вниз проходу, стараясь, насколько это было возможно, осматривать каждый подозрительный камушек, встречающийся на пути. Каждую щёлку между блоками в стене и кирпичик, хоть как-то отличающийся от соседних, закономерно опасаясь ловушек, которые вполне могли оставить для нежелательных гостей мои дражайшие предки. Наверное, это ребячество, но я был абсолютно уверен, что спуск пометили невидимым для чужаков маркером не просто так, и впереди меня ждёт что-то… какая-то тайна, а может быть и нечто такое, что вот прямо сразу ещё раз в корне изменит мою жизнь! От подобных мыслей сердце билось быстрее, а едва сдерживаемый азарт гнал вперёд, однако стараясь проявлять благоразумие, я всё же не торопился, вследствие чего умудрился-таки заметить приготовленный для недоброжелателей сюрприз раньше, нежели наступил на нажимную плиту.

Странные незаполненные раствором щели между камнями кладки по обеим сторонам коридора сразу показались мне какими-то подозрительными. Уж больно они были одинаковыми, правда, располагались на разной высоте. К тому же, не будь у меня зелёных глазок, в свете факела или фонаря заметить их было бы не так уж и просто.

Ну а после дополнительного тщательного осмотра стен я у самого пола обнаружил почти совсем уже невидимую блёклую надпись, сделанную, как и тамга на входе, невидимым для всех, кроме обладателей клановой живицы, лаком. Начертано на камне было всего одно слово «ползи», что я, собственно, и сделал, плюхнувшись на пузо. Я-то подобными заморочками не особо страдал, хотя новенькую форму порой было жалко, а вот из остальных при прохождении базовой полосы препятствий МакПрохор не только активно выбивал брезгливость по отношению к подножной грязи, но и привитую обществом боязнь испачкать в чём-нибудь свою одежду.

Не успел я продвинуться даже на полметра, как подо мной звонко щёлкнуло и над головой пронеслось нечто, со свистом рассекая воздух, после чего с визгом взводимого механизма спряталось в стене. А затем ещё раз и ещё, покуда я, вжимаясь в пол и боясь лишний раз поднять голову, быстро работая локтями, полз по сразу же показавшемуся бесконечным проходу, сопровождаемый щелчками нажимных плит.

Наконец, всё закончилось, но я ещё какое-то время не решался принять горизонтальное положение, стараясь отползти подальше от ловушки. Надо ли говорить, что дальше я двигался с куда большей осторожностью, но ничего такого более не встретил, покуда, к своему полному разочарованию, не уткнулся в тупик, которым заканчивался этот прямой, длинный коридор. Никаких тебе надписей, подозрительно выглядящих камней, которые могли бы оказаться рычагами или кнопками, открывающими тайный проход. Просто глухая стена, даже на простук ничем не отличавшаяся от всех остальных.

Минут пятнадцать я убил на то, чтобы просто поверить в случившийся со мной облом. Все это время я упорно искал нечто, открывшее бы мне тайный ход, вот только, как оказалось, находился он в совершенно другом месте. Я просто прополз мимо, не поднимая головы, всё ещё

опасаясь той жутковатой ловушки, а обнаружил это, когда в расстроенных чувствах вернулся к препятствию, почти уверившись, что натолкнулся в поисках на какую-то обманку, созданную кем-то из моего клана для одному ему ведомых целей. Смущало только сложное для пустышки и явно недешёвое механическое устройство для убиения себе подобных, смонтированное в этих стенах и находящееся в рабочем состоянии даже по прошествии стольких лет. Но кто же их, предков, знает-то.

Приметный квадратный камень с вырезанным на нём рельефным стилизованным огоньком, никак не отмеченный светящимся в бажовском зрении лаком, я заметил по чистой случайности. Располагался он достаточно высоко, прямо над одной из опасных прорезей ловушки, проложенной примерно на уровне моей шеи, причём так, что рукой достать его, в общем-то, было можно, однако для этого следовало встать прямиком на крайнюю нажимную плиту, а делать этого мне ну очень не хотелось. Без головы, да ещё и дополнительно разрезанным примерно в районе поясницы жизнь представлялась мне очень короткой и довольно-таки грустной.

Впрочем, не думаю, что представителям огненного клана нужна была какая-либо дополнительная подсказка на тему того, что следует сделать с данным рельефом. Во всяком случае, лично у меня идей, кроме как воздействовать на него зелёным племенем даже не возникало. Ну не предлагается же тыкать горящим факелом. Хотя… Как вариант! В общем-то, палкой дотянуться из безопасной зоны не составило бы особого труда. Так что, если не получится своими силами, я решил что это будет планом «Б», тем более что найти здесь подходящий кусок древесины, пусть и не сухой, сложно, но можно.

От направленного в него потока огня, сорвавшегося с моих рук, камень мгновенно покраснел, затем побелел и с гулким шорохом вдруг уполз внутрь стены, словно кнопка, вдавленная огромным пальцем. В ловушке сразу же, протяжно ускоряясь, что-то защёлкало, а затем клацнуло, то ли ставя её на боевой взвод, то ли наоборот, на временный предохранитель. Однако куда интереснее мне показался скрежет, донёсшийся из-за спины, и, обернувшись, я сразу же увидел углубившийся в кладку камень, сосед которого, внешне ничем не приметный, с торца имел углубление вроде скрытой ручки.

Аккуратно потянув за него, так, что он подался одним краем на меня, я привёл в действие очередное устройство, и опять за спиной, чуть дальше по коридору, раздался щелчок, а неровный кусок кладки чуть вспучился на манер приоткрывшейся двери. За ней обнаружилось помещение примерно метр на два, в дальнем конце которого располагался вполне обычный пожарный шест, уходящий нижним концом прямиком в круглую дыру сантиметров семьдесят пять в диаметре, а на стене прямо за ним висела табличка, на которой чёрным по белому было выведено: «Братья, не забывайте закрывать за собой дверь!» А снизу находилась приписка, сделанная другим почерком: «А то будет как прошлый раз, когда забравшийся слим растворил штаны сестры Любавы. Все помнят, что тогда случилось? Не хотите быть битыми – проверяйте, сработали ли запоры!»

Спуск оказался достаточно долгим, пару раз пришлось притормаживать, сбрасывая набранную скорость, но в итоге я оказался в небольшом помещении с обмазанными засохшей глиной стенами, по полу которого были проложены чуть поржавевшие рельсы. У дальней стены сложенные боком дожидались своего часа простенькие тележки, состоящие из колёс, сидушки без спинки, но со страховочными ремнями и двумя рычагами, судя по осмотренным мною механизмам, работающими по типу вёсел у лодки.

К сожалению, время не пощадило большую их часть и многие из транспортных средств были покрыты ржавчиной, однако мне удалось найти более-менее целую, а вылитое прямо на рабочий механизм чуть загустевшее от времени машинное масло должно было благотворно повлиять на их ездовые качества. Тут бы мне остановиться. Подумать, да и отложить дальнейшее исследование на неопределённый срок, но после всего, что мне уже пришлось сегодня

преодолеть, пациента реально понесло и, установив тележку на рельсы, закрепившись, я взялся за рычаги и резко потянул на себя.

Глава 1

Двух мощных гребков парными рычагами хватило, чтобы тележка под весёлый стрёкот шестерёнок и звонкое клацанье колёс о стыки рельс покатила вперёд, быстро набирая скорость. Проверка тормозных свойств платформы также показала, что механизмы работают исправно, а потому, случись что, остановиться я сумею.

Выкатившись из помещения со спуском, я какое-то время с интересом поглядывал по сторонам, но лишь до тех пор, покуда бесконечные коридоры с аркадами уводящих в неизвестность проходов, пустые комнаты и целые залы мне окончательно не надоели. Тогда я сосредоточился исключительно на змеящихся перед тележкой нитях старенькой одноколейки. Не надо быть профессором, чтобы догадаться, что сейчас я находился где-то на верхних этажах тех самых таинственных катакомб, расположенных глубоко под Москвой. Даже сам воздух здесь, хоть и был на удивление свежим, отдавал какой-то невероятной древностью.

И всё же, если и было когда-то в проносящихся мимо помещениях и переходах между ними что-либо интересное, то это уже нашли и вынесли задолго до моего появления. Причём, судя по всему, конкретно здесь поработали именно мои соклановцы, и не ошибусь, если предположу, что ещё задолго до того момента, как Бажовы официально присоединились к Полису.

В остальном же самым запоминающимся моментом всей этой поездки стал вид поистине гигантской каверны, стены которой бесчисленными этажами балконов уходили куда-то вниз, в непроглядную даже для моего зрения темноту. Особой же остроты впечатлениям добавило то, что тележка, бодренько выкатившаяся их очередного узкого коридора в пространство этой громадной подземной пещеры, попала прямиком на узенький каменный мост, пересекавший раскинувшуюся под ним бездну от одной стены до другой.

Впрочем, я особо не увлекался и не наращивал скорость, а потому поездка не превращалась в безумный аттракцион с непредвиденными последствиями. Хотя с абсолютной уверенностью теперь я мог сказать только то, что слушать досужие байки о таинственных древних катакомбах было куда интереснее, нежели побывать в них самому. Впрочем, необычная поездка среди древних подземных сооружений поражала воображение…

В остальном это были просто пустые, однотипные и довольно невзрачные помещения и коридоры, стены и свод которых были укреплены жжёным кирпичом и обмазаны сырой белой глиной. А из запоминающихся элементов изредка можно было заметить мелькнувшее духовое окошко, нишу непонятного предназначения или дополнительную колонну, порой установленную, как Уроборос на душу положит.

И уж точно за всю эту поездку я не встретил ничего страшного или мистического… Хотя при пересечении той огромной пещеры мне и почудился между колонн медленно движущийся свет на балконе, располагавшемся где-то совсем уж глубоко внизу, и то я был не до конца уверен, что действительно что-то видел.

Так что, когда тележка начала притормаживать на въезде в очередной зал, а затем и вовсе остановилась, даже обрадовался. Нет, наверное, я не против был бы повторить поездку, разогнавшись по полной программе. Хоть и не был ещё в Политехническом, запланированный поход куда всё время откладывался, однако уверен, эти полкатушки были бы ничуть не хуже знаменитых «Американских Горок», смонтированных в его экспозиции, о которых два года назад, чуть ли не захлёбываясь, вещала вся пресса Полиса.

Заметив препятствие, я, чуть разведя рычаги в стороны, потянул их на себя, тормозя, но платформа всё равно чувствительно клюнула неубранную, так и оставленную на путях тележку, у которой с неприятным лязгом отвалилось колесо. Осматриваясь, я отстегнулся, внимательно изучая помещение, в котором оказался, и медленно встал.

Складывалось какое-то такое нехорошее ощущение, что когда-то давным-давно люди просто собрались и в один момент покинули это место, побросав всё, что делали, и никогда не возвращались, забыв путь назад. Зала же, служившая им чем-то средним между перегрузочной станцией, депо и временным складом, так и замерла много десятилетий, а то и столетие назад, и лишь толстый слой пыли служил напоминанием о прошедших годах пустоты и одиночества.

– Очень интересно, – пробормотал я, обходя помещение по периметру и рассматривая неаккуратно сложенные вдоль стен разнотипные ссохшиеся и вполне целые деревянные ящики, ряды тронутых ржой металлических кофров и запечатанные пузатые кувшины, а также читая таблички, закреплённые возле арок, куда от центрального поворотного круга уходили всё те же ржавые рельсы.

«Юго-западное направление. Три промежуточных выхода».

«Восточный путь. Один выход. Грузовая».

«Северо-запад. Два промежуточных. Осторожно! Тупиковый выход расположен за стеной!»

Признаться честно, у меня в голове не укладывалось, как предки проложили хотя бы одну такую дорогу для тележек, вроде той, по которой я добрался в это место. Сколько для этого нужно было труда, сил и времени… А они, оказывается, забацали целую железнодорожную сеть, судя по всему, чуть ли не подо всем полисом, да ещё и, если я правильно понял последнюю табличку, ведущую за его пределы. И что-то подсказывало, что настоящие хозяева Москвы как тогда, так и сейчас, даже не подозревали о её существовании.

«Вот только зачем им понадобилось нечто подобное?» – подумал я, подходя к ближайшему деревянному ящику и внимательно осматривая непонятные цепочки символов, выжженные на его торцах, которые и сейчас ощутимо фонили родственной мне живицей.

Хмыкнув, я достал один из ножей и, подцепив прибитую гвоздиками страховочную рейку, пользуясь клинком как рычагом, выдернул вначале её, а затем такую же с другой стороны и только потом отодвинул в сторону крышку.

– Нифига себе… – вырвался у меня возглас удивления, когда в лицо пахнуло знакомым с детства запахом.

В ящике ровными рядами лежали одинаково крупные, сочные даже на вид и абсолютно свежие зелёные яблоки. Их словно вчера сорвали с деревьев и сразу же принесли прямо сюда. И уж тем более трудно было поверить, что они пролежали здесь не год и даже не два, так великолепно сохранившись.

Хмыкнув, я ещё раз посмотрел на боковую стенку ящика, с сожалением отметив, что непонятные знаки теперь быстро теряют напитку и уже практически никак не ощущаются. Если ящик и был таинственным артефактом предков, способным сохранять свежие продукты десятилетиями, то я его благополучно сломал.

Грустно вздохнув, достал из подсумка блокнот и дешёвый механический карандаш с толстым грифелем и как мог перенёс странные узоры с одной и с другой стороны ящика на бумагу. Странные закорючки, символы, линии. Идею завести такую записную книжку мне подала Машка, когда я ещё в их госпитале в очередной раз едва не перепутал последовательность принимаемых порошков. Умные мысли я туда не заносил, да что уж там говорить, это вообще была моя первая запись или, точнее, рисунок, который я посчитал нужным сохранить на будущее.

Заодно проверил и другие такие же ящики, но уже не вскрывая их. На всех были нанесены такие же последовательности символов, наполненных живицей, но ни маркировкой, ни просто подсунутой под планку бумажкой с описанием содержимого мои далёкие предки не озаботились.

Следующим я вскрыл длинный, окрашенный шаровой краской ящик, не нёсший на себе никаких надписей, рисунков или символов. Внутри под откинувшейся на петлях крыш-

кой обнаружились обычные струганные палки, уже давно потемневшие от времени. Размером напоминающие черенки от лопат или граблей они были завезены сюда в изрядном количестве, но вот зачем могли понадобиться в подземных катакомбах, я так и не понял.

Мелкая фурнитура, целые горы стальных, длинных Г-образных строительных костылей, вязанки с рельсами и мешки, набитые давно уже потерявшей вид ветошью. Механизмы непонятного предназначения, давно изъеденные ржавчиной так, словно всё это время пребывали в воде, и аккуратные коробки из давно уже ставшего хрупким и ломким картона, в которых обнаружилась разнообразная бытовая мелочёвка с московских мануфактур, судя по датам на упаковках, произведённая в начале века. То есть без малого сто лет назад, ещё задолго до того как дипломатам нашего Князя удалось уломать глав моего клана на свою беду присоединиться к Полису.

Однако самое интересное хранилось в закрытых на довольно простенькие по нынешним меркам замки металлических кофрах, в каждом из которых имелось по три относительно плоских стальных ящика. Вытащив один из них и сломав не особо сложный запор, я аж присвистнул, увидев содержимое, аккуратно разложенное и закреплённое на мягких подушечках.

В свете моих зелёных глаз таинственно поблескивали настоящие древние артефакты: амулеты, ожерелья и кольца, браслеты, фигурки людей и животных. Инкрустированные явно драгоценными камнями, они казались настоящим произведением искусства, настолько тонко была нанесена на них инкрустация, и при этом ощущались как нечто несоизмеримо древнее из-за порой нарочито грубых и утрированных форм.

Причём многие из них отчётливо фонили живицей, даже нет, не так, живица – это что-то знакомое, понятное, своё, а здесь чувствовалась именно что «магия» или вообще непонятная ворожба, а потому прикасаться к нам особого желания не возникало. И всё же следовало выяснить, что же такое я обнаружил и чего мне это будет стоить как в очень хорошем, так и в очень плохом смысле.

Так что, аккуратненько отогнув ножом усики удерживавшей небольшой медальон проволочки, я подцепил его кончиком клинка за цепочку и, полюбовавшись ещё раз на поблескивающий в центре камушек, аккуратно переложил его в небольшой полиэтиленовый пакет из стандартного чародейского набора. К сожалению, специального мешочка для переноски потенциально опасных артефактов, как у Мистериона, у меня не имелось, но и выбранная побрякушка ощущалась как относительно нейтральная, а может быть, и вовсе истощившаяся, а потому я, особо не беспокоясь о последствиях, убрал её в специальный отдел одного из подсумков.

Проделав все эти манипуляции, задвинул ящики в кофр и отволок его обратно к стене, где стояло ещё девять таких же. Да, скорее всего, их содержимое стоило очень и очень дорого, и проснувшаяся жадность требовала немедленно, вот прямо сейчас бросить всё и срочно их перепрятать! Но здравый смысл подсказывал, что как стояло незнамо сколько десятилетий это богатство буквально на проходе, брошенное и никому не нужное, так и ещё немного постоит. А сюда, если, конечно, я не спалю перед кем-нибудь проход в верхние катакомбы, всё равно никто не доберётся. Складывалось почему-то такое ощущение, особенно после подобных находок, что далеко не все сюрпризы предков были мной обнаружены, и жив я ещё только по той причине, что сам являюсь Бажовым. Пусть и полукровкой.

Закончив, наконец, свои изыскания в этом зале, я направился к единственному необследованному объекту. Довольно большой металлической двери, словно впаянной в стену, в которой не было ни одной арки. Живицы от неё не ощущалось от слова вообще, а потому я в первую очередь намеревался проверить её на различные механические ловушки, а уж потом пытаться вскрыть, и тем неожиданней оказалось случившееся в следующий момент.

Мир вокруг меня резко крутанулся, и я ощутил, что падаю, мгновенно сгруппировавшись, приготовился к удару и совершенно по-идиотски плюхнулся на задницу в небольшой

кубической комнате без входов и выходов. Гулко сглотнув, поднялся на ноги, потихоньку начиная осознавать, в какую передрягу я-таки угодил, и, чувствуя, как изнутри поднимается волна натуральной паники.

Пустые голые стены, обмазанные вездесущей глиной. Точно такой же пол и потолок. Ни выступов, ни рельефов, ни даже духового оконца – чистой воды монолит, воздуха в котором хватит, дай Древо, на несколько часов.

И почему-то именно мысль о том, что, если не выберусь отсюда, гарантированно задохнусь, вдруг подавила нарастающие признаки пробудившейся клаустрофобии, заставив мозг заработать с удвоенной скоростью, а заодно вспомнить, что я, собственно, чародей. Пусть и только учусь. А также то, что делали это место тоже чародеи, а потому если выхода невидно, то не факт, что его нет вообще. Так что, слегка успокоившись и пару раз глубоко вздохнув, я подошёл к ближайшей стене и принялся обследовать её всеми доступными и известными мне способами, в том числе и подавая на все кажущиеся подозрительными участки всплески живицы.

Чересчур тёмное пятнышко на более-менее однородной поверхности высохшей глины. Наоборот, слишком светлое. Подозрительно ровный и гладкий участок и слишком уж исцарапанный. Надавить, простучать рукоятью ножа, влить немного внутренней силы – и так до победного конца.

Единственное, в чём я не угадал, так это в том, что начал с ближайшей стены, а не проверил по-быстрому весь периметр. Стоило только прикоснуться к третьей по счету, как вся её поверхность резко изменилась, превратившись в один большой узор, засветившийся мягким зелёным светом, и мир опять крутанулся.

Правда, в этот раз я не упал, потому как твёрдо стоял на ногах, но и не понял вначале, что выбрался из ловушки, и, только оглянувшись, осознал, что стою с противоположенной стороны от той самой металлической двери, уж больно она была приметной и необычной, так что трубно было ошибиться. Я очутился в огромном Т-образном помещении, совершенно не похожем на те, что были в катакомбах. И это не очередной склад или что-то вроде того, здесь явно долгое время жили и работали люди.

Слева от меня располагались полупустые шкафы и стеллажи с книгами, несколько широких парт с лавками, в углу у стены кафедра с раскрытым фолиантом. С противоположенной стороны за отдёрнутой ширмой виднелось нечто, похожее на большую печь с очень длинной готовочной плитой. На ней до сих пор стояли ковшики, кастрюли, сковородки и чугунные горшки, а рядом было организовано обеденное место с длинным трапезным столом, на котором сиротливо стояло пять неубранных глубоких деревянных тарелок.

Прямо же передо мной располагался большой зал, поделённый явно вручную сколоченными перегородками на несколько секторов. Имелась здесь и давно погасшая кузня с очагом и маленькой литейной печью, и уголок бронника, где на верстаках так и остались лежать расклёпанные и разобранные элементы доспехов. Алхимическая лаборатория с аппаратурой, на вид дорогой, но настолько древней, что назначения многих приборов я даже не понимал, хоть и много времени провёл в кабинетах Ольши Васильевны и, в общем-то, кое в чём разбирался. Столярная мастерская с затейливой циркулярной пилой и грудами неиспользованных досок и особо огороженный от всего помещения госпиталь с несколькими койками, на перепревшем белье которых сохранились бурые пятна, а в рабочем закутке чаровника навечно застыли стрелками на полпятого высокие напольные часы.

Несколько комнат, попасть в которые можно было через двери из рабочего зала, явно использовались как спальни, причём в одной из них люди жили до самого конца, что бы там с ними ни произошло. Застеленные кровати, личные вещи на тумбочках и в шкафах и всюду пыль, тишина и запустение.

Продовольственный склад меня особо не заинтересовал. Всё те же ящики, как и на входе, с таинственными символами на боках, впрочем, некоторые из них были вскрыты, с закономерным результатом для их содержимого, ссохшегося до каменного состояния. А вот оружейная, наоборот, привлекла максимальное внимание, пусть даже с виду она была не особо богата. Ящики со штампованными ножами, точно такими же, какие использовал и я. Несколько арбалетов в оружейной пирамиде и не полностью заполненная стойка с короткими клановыми мечами. Теми самыми, бажовскими, такими же, как тот, которым виртуозно владел в своих воспоминаниях Сазим.

Стряхнув пыль с рукояти, я медленно вытянул один из деревянного крепления и поразился, как ладно клинок лёг в руку. Словно был её продолжением, а не просто полосой заточенного металла. Простой, практически без гарды, коей служило небольшое расширение у рукояти, лишённый узоров и украшений, он был инструментом убийства, а не парадной безделушкой, и я, словно зачарованный, всматривался в затейливый узор, оставшийся после клановой ковки на его полированной поверхности. Сталь, созданная и зачарованная особым образом, который я узнал из воспоминаний Сазима, словно бурлила изнутри, когда кузнец придавал ей форму. И это даже не моя разыгравшаяся фантазия, а настоящий факт, ведь, изготавливая оружие, мастер в моём клане не пользовался горном, а нагревал металл собственным зелёным пламенем и воздействовал на него живицей, отчего, собственно, и получались такие вот необычные узоры.

То, что с этим мечом не расстанусь, я понял практически сразу. Да, я спалюсь перед Ольгой Васильевной по полной программе, но… Но поставить клинок обратно на стойку было выше моих сил. Длинной лезвия чуть меньше полутора локтей, обоюдоострый, с колющим остриём, он был словно б создан именно для меня и дожидался здесь всё это время, пока я приду и возьму его в руку. При этом остальные точно такие же, как этот, были ничуть не хуже, и всё же я выбрал именно тот, за который схватился первым.

Помнится, Виктор Кравец говорил, что мне следует научиться пользоваться двумя мечами. Так вот, глупости это всё! Бажовы никогда не увлекались подобными извращениями, прекрасно понимая, что для чародея важно не количество железок в руках, а умение владеть хотя бы одной, но так, чтобы враги бежали от одного вида извлечённого тобою из ножен меча. И я теперь в лепёшку расшибусь, не буду вылезать из книги Марии, но научусь этому.

Кстати, ножны нашлись в ящиках неподалёку. Как и крепкая, и очень удобная сбруя с широким ремнём и подсумками, куда более продуманная и удобная, нежели академическая «универсалка». А понимая, что вопросы ко мне всё равно возникнут, я и вовсе перестал стесняться, позаимствовал у давно почивших предков настоящий форменный клановый плащ-пальто Бажовых. Выполненный из мягкой тёмной кожи, с твёрдым жилетом, армированными вставками и выдавленной клановой тамгой на пелерине, тот был сшит по моде прошлого века. Но если носить его не со шляпой-котелком, как тогда было принято, а поверх формы, то в полном обвесе с мечом за поясом я выглядел реально круто!

Подумав ещё немного, я снял со стены один из арбалетов и, крякнув от натуги, до предела насытив руки живицей, за специальное кольцо вытянул из герметичного чехольчика стальную тетиву и закрепил на с трудом согнутом плече. Вообще, конечно, обычный человек сделать ничего подобного не смог бы, да и я еле справился, но специального механизма у этого архаичного оружия просто-напросто не имелось. Прихватив с собой упаковку из десяти болтов, которые, кстати, многие чародеи умели метать и голыми руками на манер малых дротиков, я взвёл свою новую игрушку и уже с ней в руках отправился осматривать немногочисленные оставшиеся помещения.

В комнате, которую обозвал для себя «Хранилищем артефактов», я надолго задерживаться не стал. Просто осмотрелся, приметив уже знакомые стальные ящики, заглянул в контейнеры, заполненные, видимо, ещё неотсортированной добычей. В больших окованных сун-

дуках обнаружились многочисленные маленькие и не очень, но довольно тяжёлые картонные коробочки, от которых слабо ощущался ток совсем уж нечеловеческой живицы.

Вскрыв одну из них и полюбовавшись на брусок некоего прозрачного материала, похожего на горных хрусталь, в центре которого был заточён кусочек словно ещё недавно живой плоти, и, посмотрев на приклеенную к крышечке бумажку с надписью «Подсердечная железа Ордриса-Жнеца», я быстро вернул её на место. Оценивать стоимость ингредиентов из неизвестных мне чудовищ я не брался даже примерно. Тем более что торговля ими с рук в Полисе была строжайше запрещена даже кланам. В общем, полюбовавшись ещё немного на расставленные на полках странные, а порой и жутковатые глиняные, деревянные и костяные идолы, так и фонящие чем-то явно не очень хорошим, я сказал сам себе, что пока мне здесь делать нечего, и поплотнее закрыл за спиной дверь. А если бы умел, то вообще чарами бы заблокировал.

Во-первых, я в артефакторике полный профан, так что копаться в натасканном предками барахле было просто бессмысленно. Во-вторых, понять-то я ничего не пойму, а вот подцепить какую-нибудь гадость, вроде проклятья или ещё чего похлеще, могу на ура. Так что трогать бажовские трофеи сейчас просто-напросто опасно. Ну и в-третьих, как бы жадность мне не напевала о том, что в руки попали миллионы, а то и миллиарды рублей, разумом я прекрасно понимал, что сейчас они для меня бесполезны!

Мало что-то найти, это что-то ещё нужно опознать, выяснить его реальную цену и успешно продать. Для подобного в нынешних условиях гарантированно нужно привлекать Ольгу Васильевну, а я пока ещё не решил, хочу этого или нет. Сам же я мог разве что сдать кое-какие побрякушки, в которых не чувствовалась живица, по цене золотого лома в ломбард, получив за явно древние реликвии в десятки, а то и в сотни раз меньше их настоявшей стоимости. С ингредиентами же вообще связываться не хотелось!

Да и вообще, проблем с легализацией и сбытом подобных находок на мой дилетантский взгляд в нынешнем положении было куда больше, чем выгод. Так что, как лежали добытые бажовыми богатства здесь, в катакомбах, никому не нужные, так пусть ещё полежат, покуда не придёт время.

Оставались непроверенными ещё две, а если с той металлической, то три двери, на одной из которых просто и без дураков было написано краской «Выход в Полис». А под ней находилась прилепленная бумажка с инструкциями и сообщением о том, что данный путь односторонний и вернуться таким же образом в убежище не получится. Так что туда я пока решил не соваться и направился к находящимся в самом конце помещения массивным воротам.

За ними обнаружился большой круглый зал с неким устройством посередине. Я даже не сразу понял, что это за агрегат с четырьмя огромными барабанами, словно окружившими небольшой зажатый между ними домик, и только потом до меня дошло, что это что-то вроде подъёмника, которые иногда используются на внешних стенах совсем уж старых небоскрёбов для особо габаритных грузов. Но ещё чаще подобные устройства можно увидеть на дне и на втором уровне в промышленных районах, а также при высотных мануфактурах из тех, что победнее.

Впрочем, лифт, ведущий куда-то вниз, был не единственным, что ждало меня в этой комнате. Прямо перед ним на полу лежал человек, одетый в приметный бажовский плащ. Точнее, древняя и неплохо сохранившаяся мумия, как я понял, подойдя поближе и внимательно осмотрев тело. Пусть смерть и не красит людей, но когда-то это был молодой и сильный русоволосый мужчина, скорее всего, лицом больше похожий на Сазима, Игната и прочих Бажовых из того воспоминания, нежели на меня, пошедшего в отца и имеющего карбазовские черты.

Рваная, явно сквозная дыра на спине мертвеца и бурые застарелые пятна под ним и на платформе подъёмника свидетельствовали о том, что смертельное ранение он получил где-то внизу, в катакомбах, но сумел воспользоваться лифтом и даже пройти пару шагов, прежде

чем умереть… Так он и лежал теперь на животе с прижатой к груди левой рукой и вытянутой вперёд правой, до сих пор стискивающей ссохшимися пальцами в перчатке какой-то свёрток из плотной ткани.

«Хотя нет! – поправил я сам себя, рассматривая вогнанный в зазор между перекосившимися шестерёнками управляющего лифтом механизма чуть погнутый метательный нож. – Он сумел не только подняться сюда и пройти пару шагов, но ещё и сломать лифт, будто опасаясь, что некто там внизу сумеет им воспользоваться. Не удивлюсь, если добрался он сюда вообще только на силе воли…»

Аккуратно вытащив оказавшийся довольно тяжёлым свёрток из мёртвой руки, я, положив его на пол, аккуратно развернул ткань и тихо, но с чувством выматерился. Передо мной мягко и завораживающе светились четыре хрустальных яблочка примерно с детский кулачок размером, внутри которых весело бушевало пламя.

И ладно бы мне вспомнились только произнесённые кем-то недавно слова о тесной связи моего клана с Садовниками, что было само по себе неприятно, но перед глазами как наяву встала картина жуткого хрустального сада. Ряды аккуратно уложенных на землю тел подростков и звонко смеющаяся девушка, раскинув руки, кружащаяся под искрящимися на закатном солнце кронами. И точно такие же яблочки, только разноцветные, по одному на дерево, словно бесценные огоньки, светящиеся в прозрачной листве.

Что произошло там, внизу, в катакомбах, что мой дальний предок оказался здесь со столь страшным грузом, от которого буквально захлёстывают волны родственной живицы? Через ткань, которой, кстати, совсем не чувствовалось! На их руку напали Садовники, провели ритуал, а он один почти смог отбиться и захватить эти плоды? Или соратников перебил кто-то другой, а он смог провести ритуал и уже потом пострадал, но доставил самое ценное, на его взгляд, в защищённое место?

Аккуратно завернув яблочки всё в ту же ткань, я бережно убрал свёрток во внутренний карман формы. Что бы там ни было, как бы ни ужасны, на мой взгляд, материализованные в хрустальные деревья души, однако, если я правильно понимал объяснения той же Ольги Васильевны, это чуть ли не средоточие самой сути чародея. И если скормить простецу эти на вид твёрдые, но на ощупь мягкие и тёплые плоды, он обретёт то же самое ядро, что и донор, а, по сути, станет членом моего клана. И таковыми я могу теперь сделать четверых человек… Вот только кого?

Ладно, этот вопрос пока можно отложить. Судя по всему, плоды не подвержены действию времени, и у меня ещё будет возможность присмотреть кандидатов. А пока… я встал над телом погибшего родича. Слова поминальной молитвы Урборосу сами всплыли в памяти. Впервые мне приходилось хоронить родных, но по сердцу словно резанули бритвой.

Пусть нас даже и разделяли многие годы, но это был первый родственник, встреченный мной, как и доказательство силы клана Бажовых. Хотя бы этим он заслужил право упокоиться в стихии. Из моей руки плеснуло зелёное пламя, растекаясь по мёртвому телу, и в считанные секунды от него остался лишь пепел. Я опустился на колени, собирая его в мешочек, где раньше хранил всякую мелочёвку. Думаю, Древо академии будет хорошим местом, чтобы развеять его, пусть даже погибший там никогда не учился.

С подобными мыслями я направился прямиком в местную читальню. Из остальных комнат я уже взял всё, что мог на данный момент, а вот к книгам ещё даже не приступал. А ведь была… была надежда натолкнуться на такие же, как и та, в которой существует Мария… Но нет! То ли собрание произведений, хранящееся на полках и шкафах, было уже кем-то тщательно почищено, то ли вообще никогда не содержало подобных Марии книг. Зато где-то на полчаса моё внимание привлек раскрытый на странице с последней записью фолиант, возлежавший на кафедре, оказавшийся хроникой взлёта и падения маленькой группки моих родственников, отколовшихся от основного клана сто лет назад.

«Сегодня я, Всеволод Бажов, сын мастера-чародея, боярина Юрия Бажова своей волей и по обоюдному со старейшинами желанию бросил клич среди знавших и верящих в меня об “Исходе” отряда и новой семьи Бажовых на Поиски Лучшей Доли, и было это в дне десятом месяца второго сезона Древа…» – так начиналась первая страница, и пусть за недостатком времени читал я наискосок, но история рассвета и падения одного из кусочков моего клана, пусть, похоже, не прямых предков, брала за душу и не позволяла оставаться равнодушным.

Пятьдесят два человека, из которых было двадцать два мужчины, девятнадцать женщин, а остальные числились детьми без указания пола, ушли из главного бажовского посада в сторону московского Полиса сто сорок восемь лет назад. Проникнуть незамеченными за стену и временно обосноваться на нижнем уровне города для них не составило большого труда, пусть даже в открытых врагах у клана тогда числились чуть ли не все чародеи Москвы. Впрочем, жизнь именно в городе их не интересовала, а скрывать и прятать свои отличительные особенности мои предки умели всегда. Их влекла легенда о бесконечных и опасных катакомбах, что располагались глубоко под землёй, и когда через четыре года путь туда был найден и создано первое убежище, Бажовы-Всеволодовичи начали планомерное переселение из плохоньких квартир и трущоб, где обитали всё это время.

Поначалу всё было просто замечательно. Коридоры и помещения очищались от монстров и прочих неугодных, найденные проходы либо обустраивались так, чтобы проникнуть вниз не мог кто-либо ещё, либо разрушались и блокировались. С Полисом шла постоянная теневая торговля, дававшая подземным обитателям еду и необходимые вещи в обмен на найденные артефакты, а вскоре стал возможен и прямой обмен между ними и каким-то московским кланом к обоюдной выгоде, что исключило множество рисков и ненужных вопросов от остальных москвичей.

И всё было хорошо до эпидемии кори, случившейся в Полисе сто десять лет назад. Не обошла она стороной и подземных отшельников. Вакцинаций тогда ещё не существовало, а потому умерло тридцать два взрослых человека, и практически сразу же поддерживать нормальный быт в разросшемся, но всё равно маленьком сообществе стало невозможно. Множество детей и отсутствие свободных рук, а также возросшая смертность проходчиков в катакомбах заставили нового главу Бажовых-Всеволодовичей принять решение о частичном возвращении в клан. В результате, все дети и ещё десяток взрослых чародеев отправились в путешествие за стену, и более об их судьбе оставшимся здесь ничего не было известно.

В убежище продолжали какое-то время жить вначале три неполные руки. Затем две, ибо монстры с понижением уровня, на который опускался подъёмник, становились всё более и более опасными. А после окончившегося трагедией одного из выходов в город, когда, судя по записям, во время встречи с партнёрами на них напала третья сторона, внизу осталось всего пять человек, поддерживающих консервацию убежища и переправлявших какому-то теневому заказчику «уже оплаченный, собранный, но недоставленный груз».

«Теперь мы вынуждены спуститься вниз, потому как то, что попыталось вылезти вчера с нижних уровней, то, что мы разбудили… следует остановить. Да защитит нас великое Древо, ведь за прошедшие годы мы так и не дождались пополнения из клана, а это значит, что о нас просто не знают…» – здесь записи обрывались.

Да и вообще, на последних десяти страницах было очень мало конкретики. Становилось понятно только то, что многие из бойцов были ранены чем-то, что сумело воспользоваться подъёмником. После чего на общем собрании решено было спуститься вниз и остановить «это», но что конкретно так и не объяснялось. Результат, судя по всему, я мог наблюдать собственными газами, миссия оказалась более-менее успешной, но самоубийственной, и вернуться смог только один человек, притащив с собой хрустальные яблоки остальных.

Более мне здесь пока что делать было нечего. Потому я направился к дверке с надписью «Выход», ведь на часах уже было примерно шесть утра, а мне ещё необходимо как-то забрать

свой пароцикл, подаренный кланом Ефимовых, и добраться до Академии. Впрочем, я уже смирился с тем, что опоздаю, ведь у меня даже мысли не было попытаться последовать старым маршрутом. Ну его нафиг! Там вообще водный эллементаль в тоннелях бродит! Так что, внимательно прочитав инструкцию, я открыл дверь, схватился за одну из рукоятей, свисающих с натянутой между блоками цепи, и резко дёрнул вниз.

Послышался механический скрежет и цоканье, после чего меня потащило вверх, покуда я не спрыгнул в небольшую нишу, и мир, опять закрутившись, перебросил меня в совершенно незнакомый тупичок. Явно расположенный где-то на Дне Полиса.

Глава 2

Пароцикл издал серию хлопков, плюясь из задней трубы остатками почти охлаждённого пара и конденсата, и ускорился, обгоняя медленно плетущийся грузовой паровик, чей прицепной вагон, грохоча, подскакивал на дорожных плитах, разбрасывая гружёный щебень. Юркая машинка, быстро обогнав неповоротливого работягу, понеслась вперёд, а я, поджав рычаг на рукояти, поддал ещё пару, отчего скрытый под кожухом котёл запыхтел ещё сильнее, стравливая стихийные выбросы воды и огня, а сиденье подо мной нагрелось чуть-чуть сильнее.

К сожалению, даже здесь, на четвёртом уровне, прочувствовать всю скорость этого дорогого двухколёсного аппарата было попросту невозможно. Слишком плотный мобильный поток на дорогах, слишком много людей зачастую просто перебегают через неё, не пользуясь общественными мостками-переходами, и слишком часто здесь встречаются регулируемые перекрёстки. Другое дело «Брильянтовые дороги» пятого, самого верхнего, уровня, но чтобы пользоваться ими, нужно быть богатым и уважаемым простецом, знаменитым кудесником, чародеем или чаровником.

Вот только первым на двухколёсных тарантайках ездить просто невместно, им богатые паровые кареты подавай, а среди золотой молодёжи крутой пароцикл в гараже – лишь способ продемонстрировать бунтарский дух, потому как ездить на подобной опасной штуковине им, естественно, никто не позволяет. Кудесники чаще всего также люди респектабельные, подобных странностей могут не понять состоятельные заказчики, а остальным, одарённым, так и вовсе техника не нужна – они сами по себе быстрее перемещаются. Хотя, насколько мне известно, клановые мажоры, как и богатенькие мальчики простецов, не брезговали красивыми и дорогими игрушками.

Ну и надо ли говорить, что для обычных людей пределом мечтаний оставался обычный семейный велосипед, а личный паровик самой древней модели являлся чем-то практически недостижимым. Про пароциклы же многие из них, скорее всего, даже и не слышали.

Так что Ефимовы, хоть и были удивлены тем, что отдариться за спасённую Нинку им пришлось именно пароциклом, вида не подали. Вероятно, даже обрадовались, посчитав мой ответ блажью неразумного мальчишки, потому как я вполне мог потребовать какую-нибудь супертехнику, крутое заклинание или мощный артефакт, смириться с потерей которого было бы сложно. А то и вовсе размена «кровь-за-кровь», то бишь, двух нетронутых мужчинами девушек из старшей семьи в качестве наложниц за их Клановую Княжну.

Отдали бы как миленькие, ведь сами затеяли эту демонстративную игру в благодарность и дружбу, а условия, на которых Ульрих и Нина могут быть вместе, так и не поменялись, вот мне таким образом и высказывали расположение. Правда, потребуй я девочек, скорее всего, обиделись бы, так как те должны были быть как минимум внучками Старейшин, а я, если говорить прямо, такой чести всё-таки не заслужил. Ведь не появись вовремя Мистерион, меня бы просто добили, а судьба красноволосой была бы куда менее завидной.

Вывернув на ведущую на пятый уровень круговую рампу, я притормозил перед аркой пропускного пункта и, получив от строгого усатого жандарма разрешение на проезд, вырулил по короткому съезду на «Брильянтовую дорогу» северного направления. Врубил усиленное нагнетание, звонко зафырчали внутренности аппарата, и пароцикл рванул вперёд, оставляя за собой длинный красивый шлейф белоснежного пара, тугими струями вырывавшегося из расположенных сзади труб.

Уже въезжая на ведущую к Академии радиальную трассу, пришлось скинуть скорость, потому как, хоть гнать практически по прямой на максимально возможной скорости мне и нравилось, но дорога здесь змеилась, и я имел огромные шансы просто-напросто не вписаться в очередной поворот. Так что рисковать на пустом месте как подарком, так и собственной шеей,

совершенно не хотелось, благо за те несколько дней, что осваивал новую технику, я раз пять чуть было не поцеловался с деревом и незнамо сколько раз падал.

Объехав кампус по кольцевой, я оказался практически рядом с въездом в преподавательский посёлок, а там уже через несколько минут, лихо завернув своего двухколёсного коня с паровым котлом вместо сердца, остановил его на обычно пустующей парковочной площадке. Сбил каблуком откидную ножку и, устроив машину поудобнее, слез, предварительно продув вхолостую паровые трубы, избавляясь от остатков конденсата, который, если этого не сделать, обязательно даст ржавчину.

Посмотрев на уже практически безоблачное, как и вчера вечером, небо, где уже часа три как взошло солнце, нервно хмыкнул, а затем, чуть закатав рукав своего нового плаща и отогнув подворот форменных студенческих перчаток, нажал на пружинку крышки закреплённых там маленьких часиков. Щёлкнув, она отскочила в сторону, открывая циферблат с фосфоресцирующими римскими цифрами и такими же стрелками, что сейчас, в принципе, было неважно.

Десять утра… о чём практически сразу же поведал далёкий звон школьного колокола, известивший об окончании очередного урока у братьев и сестёр наших меньших. В общем-то, я тоже сейчас должен быть на паре… вроде бы на основах Права, или сегодня по расписанию монструозная анатомия? В любом случае после выхода и реабилитации у меня есть ещё один день заслуженного отдыха, который я, если честно, проведу бездарно, завалившись спать сразу же, как доберусь до кровати. Ну, или вначале приму всё же приму ванну, потому как лезть после канализации и катакомб в чистую постель совершенно не хотелось. И ещё позавтракаю, ведь, готовясь к походу, я, чтобы не перегружать себя, практически не поужинал, сославшись на отсутствие аппетита.

«В любом случае шансов пересечься в это время с опекуншей никаких, – сладко зевнув и вытащив из чехла при седле пароцикла арбалет, подумал я, направляясь к крыльцу. – Ольга если и вернулась ночью домой, то сейчас крепко спит. Ну а если это случилось сразу же после моего ухода, то искать её нужно либо в лаборатории при школе, либо на одном из полигонов…»

Именно так думал я, протянув руку к ручке. Вот только дверь открылась сама, едва не стукнув меня по лбу, и я нос к носу столкнулся с той, которая, по моему мнению, встретиться со мной «шансов не имела».

Хмурый вид, изучающий взгляд голубых глаз, внимательно ощупавший мою фигуру, видимо, проверяя, всё ли у меня на месте и не откусили ли мне ничего важного, лёгкие тёмные мешки под глазами и общий слегка усталый вид, говорящий о бессонной ночи. Причём одета Ольга Васильевна была не в привычный для неё гражданский костюм и не в белый халат, который носила в рабочее время, а в чёрный элегантный боевой мундир женского образца. С полным набором метательных ножей на перевязи, двумя ручными кинжалами на сбруе, подсумками на широком ремне, включая лёгкий топорик в изящных кожаных ножнах на пояснице. Которым она, кстати, виртуозно владела. На ногах у опекунши оказались высокие, до середины бедра, и явно очень дорогие полевые бутсы на каблуке, с навесными сумочками, размещёнными прямо под руку и закрытым колчаном для метательных игл.

«Уж не меня ли она спасать собралась… – промелькнула паническая мысль, от которой по спине пробежались мурашки. – Это плохо! Очень плохо!»

– А почему не в котелке? – вдруг ни с того ни с сего насупившись, буркнула Ольга.

– Чего?

– Ничего! Вечером поговорим, – отмахнулась женщина, выходя из дома и заставив меня отступить на пару шагов. – Пароцикл свой ещё не разбил?

– Нет, – слегка озадаченно ответил я, помотав головой.

– Ключи давай! – протянула она руку и, поймав мой взгляд, чуть раздражённо ответила: – Да не отбираю я его у тебя! Надоело за два дня ноги топтать!

– Вот… – я уронил в протянутую руку затейливый металлический цилиндрик с дырочками и зубчиками. – Там семьдесят процентов заряда живицы осталось.

– Надо будет – сама заряжу. – Отодвигая с пути, Ольга Васильевна, бросила на меня какой-то нечитаемый взгляд и добавила: – Опережая следующий вопрос – да! Умею. И получше некоторых желторотых юнцов!

– Но я не…

– Так! Короче! Кладоискатель! – остановилась она и сурово посмотрела на меня. – Иди-ка ты спать, а разбирать твои ночные похождения будем вечером. Всё! И да, если кому понадоблюсь, я в Кремле.

С этими словами Ольга Васильевна зашагала в обход дома к парковочной площадке. Секунд через тридцать запыхтел, вновь разогреваясь, котёл, затем раздался дикий свист резко спускаемого пара, и Кня'жина на огромной скорости вылетела на прилегающую к дому дорожку, а вырвавшись на основную, пробусковала с разворотом под таким наклоном, что у меня машина улетела бы в кусты. Врубила полное нагнетание и пулей улетела прочь, оставляя за собой лишь густой шлейф белого пара.

– Жесть… – произнёс я, провожая взглядом быстро исчезнувшую за очередным поворотом всадницу-пароциклистку.

Выразился бы куда грубее, однако со спины ко мне уже подошла Алёнка, а материться при девушках приличному человеку некомильфо.

– С возвращением. Господин будет обедать? – сложив ручки на передничке и чуть поклонившись, спросила девушка, когда я соизволил обернуться.

– Доброе утро, Алёна, – улыбнулся я. – Да, сделай мне что-нибудь. Поем перед сном. Накрой на кухне, а я пока пойду помоюсь.

– Как прикажете, – ответила она, сопроводив это ещё одним поклоном. – Могу я помочь вам разоблачиться?

– Не стоит, я сам, – отказался и даже как-то залюбовался стройной фигуркой девушки, отправившейся выполнять поручение.

Да. Мало того что посадская девушка-простушка впитывала знания как губка, так ещё и наставницу-дрессировщицу к ней Ольга Васильевна приставила такую, что за тот неполный месяц, что мы живём под одной крышей, мне стало казаться, будто она с детства тренировалась работать в богатом доме. Глядя на неё, особенно в последние дни, трудно было представить, что это та же первый раз приехавшая в город загородная дриада, готовая поверить на вокзале первому встречному уголовнику, говорящему, что он знаком с её «папенькой».

Ещё раз широко зевнув, на автомате прикрывая рот тыльной стороной ладони, я, расстегнув и стянув с ног бутсы, поставил их в специальную стойку для грязной обуви и направился к оружейной. Там разоблачился, оставив меч и арбалет в специально предназначенных для них стойках, сложил в корзину грязную форму и выставил в коридор, повесив на расположенный рядом крючок свой новый плащ для последующей чистки, не забыв вытащить из кармана свёрток с «яблоками». После чего, набросив махровый халат, предназначенный для подобных случаев, чтобы не сверкать исподним, и закинув сбрую с поясом на плечо, размышляя над поведением опекунши, потопал к себе наверх, дабы в первую очередь спрятать самые интересные находки в установленном в моей комнате сейфе.

В наполненной горячей водой ванной чуть было не заснул, но справился с собой, как и с шампунем, мылом и мочалкой, а, уже искупавшись, более-менее взбодрился под душем. В голову почему-то лезли всякие разные порой совершенно глупые мысли… Так, почему-то сейчас мне показалось забавным, что правильным вначале мыться в ванной, а затем в обязательном порядке принимать душ, смывая с головы шампунь. А ведь в детстве я даже не знал, что это такое, у нас в квартирке на втором уровне имелась только вмурованная чугунная муниципальная бадья, дно которой было выложенной деревянными планками. А под ней располага-

лась специальная печка, топить которую, чтобы получить горячую воду, следовало исключительно дорогим углём. И то это считалось шикарными условиями и нам завидовали!

Надо ли говорить, что использовали её только для меня и иногда, когда я был совсем мелким, после в тёплой воде мылась мама, если, конечно, по какой-то причине не могла оставить меня под чьим-нибудь присмотром. А так родители всегда ходил в общественные бани, как и все наши соседи.

Душ же я первый раз увидел только в приюте. Промёрзлое, покрытое ледяной коркой зимой и студёное летом облицованное дешёвым кафелем помещение, в котором из торчащих из стен ржавых труб сквозь давно засорившиеся лейки едва текла холодная вода. Общее для мальчиков и девочек, правда, в разные дни раз в неделю. При походе туда следовало заранее смириться не только с соседями, но и с тем, что в открытую дверь тебя маслянистыми глазами будет рассматривать один из охранников-надзирателей, громко и обидно комментируя всё, что разглядит. Зато никогда не замечая моментов, когда кого-нибудь из провинившихся перед приютским бугром «опускали» старшие. Надо ли говорить, какие мерзкие истории случались там с девчачьим контингентом.

Конечно, запоминается самое плохое, а потому в реальности всё происходило не так мрачно, как всплывало сейчас в памяти. И те же массовые помывки устраивались не регулярно, а когда директрисе шлея под хвост попадала, да и договориться с воспитателями можно было, так что лично я только один раз туда нарвался, в самый первый поход после моего попадания в приют. Без последствий. А в остальное время шастал в местную баню, «грязнульку», где с шести до восьми утра за быструю помывку брали сущие копейки, а девочек из нашего приюта так и вовсе пускали на женскую половину бесплатно. Как минимум так утверждалось официально.

«А не наведаться ли мне как-нибудь в старый приют?» – лениво всплыла неожиданная мысль и исчезла, стоило выключить вначале горячий кран смесителя, а через пару секунд и холодный.

Хмыкнув, я вытерся и, надев чистое и халат, отправился на кухню, где меня уже ждал потрясающий омлет. Нежный, с колбаской, сыром, грибами и, конечно же, помидорами, которые наполняли блюдо вкуснейшим соком. К нему меня приучила Ольга Васильевна, пусть не имевшая кулинарных талантов юной посадской девушки, но очень старавшаяся, а уж когда, узнав мои вкусы, ещё недавно не отличавшиеся особым разнообразием, за дело бралась юная горничная…

– Алёнка…

– Да, господин? – с тревогой спросила девушка, как и моя опекунша любившая наблюдать за тем, как я ем.

– Ты так великолепно готовишь, – произнёс я, с сожалением осматривая пустую тарелку, – что однажды я не утерплю, наемся до отвала, и меня на задании схрумкают какие-нибудь монстры. Ты этого добиваешься?

– Нет… – покраснев и стрельнув в меня глазками, ответила девушка. – Не думаю, что вам, господин, грозит что-то подобное.

– Тогда я резко растолстею! – поднял я к потолку палец. – Стану круглым, как шарик. Буду поджимать ручки и ножки, а ты будешь катать мня на занятия в Академию и обратно!

Как ни странно, но воспоминания о Борисе, смешливом толстяке из нашего бывшего класса, можно сказать, моём если не друге, то приятеле, всё хвалившемся, что, поступив в академию, привезёт сюда своего суперского бульдожку, и погибшем во время ритуала садовников, совершенно не испортили настроение. А ведь это у него было такое вот «эго».

– Буду стараться изо всех сил! – не выдержав, хихикнула в кулачок девушка.

– Ладно, – я ещё раз зевнул. – Пойду-ка я посплю… Алён.

– Да, господин?

– Если кто будет искать Ольгу Васильевну, – предупредил я, уже выходя из кухни. – Она в Кремле и обещалась к вечеру.

– Передам, – изобразила лёгкий книксен девушка и быстро убрала со стола грязную посуду.

Я же дополз до кровати и рухнул в неё, заснув, как мне показалось, сразу же, как залез под одеяло. Или не сразу, потому как уже на пороге царства Морфея мне почудилось, что скрипнула дверь комнаты, и вслед за мной на перину проскользнуло что-то мягкое, нежное и очень тёплое, что я непроизвольно обнял и прижал к себе.

Снилось мне – непотребство! Белые берега лазурных озёр, у которых не видно противоположенного края, забавные деревья-столбики с раскидистым папоротником на вершине и пошлыми волосатыми яйцами, гроздьями свисающими под ним. И там мы… то с Хельгой, то почему-то с Алиной Звёздной, а то и с Алисой Уткиной творили такое…

Такое, что я знал в теории, но на практике ещё никогда не применял, но и во сне особого результата не добился. Видимо, фантазии не хватило. А неподалёку на камушке сидели Мария с Ольгой Васильевной и пили крепкий чёрный чай из водочных рюмочек, по очереди то мыча, то что-то томно неразборчиво шепча голосом Алёны. Чуть дальше танцевал какой-то странный подвижный танец наш директор, Бояр Жамбрулович, окружённый толпой белёсых монстров из канализации, и очень расстраивался, что у них так не получается.

По песочку прямо к нам подошёл грустный Саша Морозов, почему-то в закрытом рыцарском шлеме, постоял, повздыхал, представился, хотя я его уже узнал по беличьему хвосту, и пожаловался, что мы чувствуем «амбре», а он теперь нет! И посоветовал не жалеть его, а отправиться в Киев, потому как только там, на другой стороне озера, подают настоящее дефлопе. А ведь их так мало осталось в этом мире, и если мы не поторопимся, то род Карбазовых будет уже не восстановить!

Я, конечно, удивился, нафига мне восстанавливать этот род, когда у меня уже есть свой, но Хельга с волосами Уткиной, быстро одевшись в мою одежду, схватила меня за руку и потащила к дожидающемуся нас локомотиву Перевозчиков. Я начал было возмущаться, что остался голым, но Громова, тщательно ощупав моё готовое к бою достоинство, верно заметила, что если мы не поторопимся, долговязые уедут без нас, и посоветовала прикрыться меховой шапкой директора, мол, как раз по размеру будет, да он и не откажет…

Киев, к которому прямо по озеру, поперёк которого была проложена одноколейка Бажовых, перевозчики доставили нас на беседке академического ресторана «Берёзка», выглядел как Таганская Нахаловка, только с домами из золота и «Брильянтовыми дорогами» прямо на нижнем уровне. Но Хельга, превратившаяся в Нину, заявила, что боится и туда не пойдёт, потому как там её ждет серый волк, а я выполнить свой долг перед ней могу и тут! Я возразил, что здесь на нас, скорее всего, смотрят жадные лилипы, а я в шапке директора, а потому мне стыдно идти с ней в Политехнический. И именно по этой причине волк нам теперь не страшен, и опасаться следует исключительно семерых козлят!

Тут появилась Даша и, сказав, что я наконец-то поступил в начальную школу, вручила мне клёвую, большую и горячую плюшевую куклу, похожую на Алёну, которую я тут же обнял руками и ногами, а она, пытаясь выбраться из моих объятий, забавно попискивала. Наконец у горничной это удалось, однако я рано расслабился! Она превратилась в Машку! В дамской комбинации прямо как на одном из журналов, что ходили в приюте, но со шприцом в руке и почему-то в медицинской шапочке, и я понял, что проиграл!

Улыбнулась и голосом Ларисы Вениаминовны заявила, что я совсем не понимаю женщин! После чего я понял, что спутал их с Княжной Екатериной, которая голенькая стояла надо мной и, трогая пальчиком дырку в моей груди, говорила, что если не вылечить её, то земли некого нихонского Даймё «ой-забыла» отойдут водному эллементалю, в Москве начнут продавать кошек вразвес, и вообще, Садовники уедут на Луну, а это плохо для экологии Казани.

Я хотел было отказаться, сославшись на таинственные дефлопе, что есть только у волков в Киеве, но, подумав, согласился с условием, что директорская шапка останется у семерых козлят. Мне обещали, но только, если я женюсь на одном из дымчатых клонов Борислава, но я категорически отказался. Однако довольная Маша всё равно ткнула рукой с активированными чарами проклятья прямо мне в правый бицепс, и я проснулся от боли и, как мне показалось, от щелчка замка закрывшейся двери в комнату.

Естественно, в постели кроме меня никого не было. Хотя почему-то реально слегка побаливало правое плечо, которого коснулась «Машка из сна», так, будто я его отлежал, хотя при моей позе это сделать трудновато. Да и жарко было под одеялом… Словно кто-то подложил грелку! Так что я поспешил его скинуть.

За окном уже отгорел закат, но звёзд на небе пока что не наблюдалось, только полная Луна, яркая и огромная, та, на которую во сне хотели уехать Садовники, светила мягким серебром, глядя на которое странный сон, в отличие от определённого напряжения между ног, быстро уходил и забывался.

– В ванную! – скептически прокомментировал я сложившуюся ситуацию в потолок, потому как мне, хоть и раньше часто снились девочки далеко не в самых приличных и очень даже эротических видениях, но сегодня что-то прямо совсем уж накрыло. – И менять бельё…

После водных процедур я слегка размялся, прямо на месте разогревая мышцы и разгоняя по жилам кровь, а затем, приодевшись, спустился вниз, чтобы обнаружить в гостиной усталую, но чем-то довольную Ольгу Васильевну в лёгком шёлковом халатике с широким матерчатым поясом и любимых ею розовых тапочках в виде мордочек каких-то животных. Вальяжно раскинувшись в большом кресле и закинув ногу на ногу, женщина, попивая свой вечерний глинтвейн, с интересом читала «Московский Вестник», на переднем развороте которого под названием издания крупными чёрными буквами было написано «Экстренный выпуск!»

– Добрый вечер, – поздоровался я с опекуншей, устраиваясь напротив.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – усмехнулась Ольга Васильевна, протягивая мне газету. – Выспался?

– Угу, – ответил я, вчитываясь в главный сенсационный материал выпуска, под громким заголовком «Падение Варшавы!»

Варшава, насколько я помнил из уроков политической географии и истории от Уткиной-старшей, крупный, практически сравнимый с Москвой полис, основная часть которого располагалась на огромном летающем острове, посередине которого большое, неиссякающее озеро. Как такое возможно нам не рассказывали, подобные аномалии нечасто, но встречаются в некоторых уголках нашей планеты, и зачастую в древности именно они становились основой для новых полисов.

Естественно, в таких условиях город быстро разросся, занимая всё свободное и безопасное пространство одноэтажной застройкой, и постепенно Варшава стал «стекать вниз», перенося туда промышленные и аграрные предприятия и освобождая наверху новые жилые зоны. Землю же с парящим островом связали тысячи и тысячи ниточек подъёмников, лифтовых устройств и даже локомотивов вертикального хода.

А ещё, помнится, упоминали, с каким трудом отвоевалось небесными островитянами обитаемое пространство у Запретной Зоны. Ведь ранее, ещё лет двести назад, для поддержки собственных «мисто», местных аналогов наших посадов, им хватало десятка мощных крепостей, связанных с Полисом грузовыми платформами.

И вот теперь, три дня назад, Варшава взяла, да и «упала», а корректнее сказать, «опустилась» прямиком на свою нижнюю часть. Конечно, куда лучше для всех было бы, если бы остров действительно рухнул к Уроборосу, но и так можно было порадоваться проблемам наших извечных западных врагов, попортивших московским чародеям крови больше, чем киевляне и казанцы вместе взятые.

Причём что там произошло на самом деле доподлинно не известно. Просто в один день ранее неподвижная даже в самую яростную бурю небесная громадина вдруг начала снижаться и ровно за сутки оказалась на земле, похоронив под собой всех тех, кто не успел убраться на безопасное расстояние. Версии же случившегося выдвигались разные: кто-то кричал о диверсии Садовников, самой известной международной преступной организации, кто-то тыкал пальцем в Москву, Киев, Минск, Берлин и Краков: «Это они! Они нам завидовали!» Однако единственным достоверным фактом оставалось то, что Варшава за день лишилась большей части собственного производства, и неизвестно было, как быстро местные «вельможны паны» сумеют восстановить утраченное хотя бы до минимально возможного уровня.

– Скорее всего, в ближайшее время обвинят во всём либо нас, либо Берлин. И под шумок сравняют Краков с землёй, обобрав население и угнав большую часть простецов на строительные работы, – поймав мой взгляд, поделилась своими соображениями Ольга Васильевна. – Полис там относительно небольшой, по сути, сателлит вроде нашего Архангельска, но кланы в нём живут гордые, и связываться с ними просто так варшавцы просто-напросто не считали нужным. Не тронь – не воняет! Случившееся же, как бы это странно ни звучало, на руку и местным магнатам, и вельможным панам из Сейма, пусть даже и те, и те понесли убытки, но настоящими пострадавшими будут краковчане.

– Может быть, сами уронили? – задумчиво произнёс я.

– Вряд ли, – покачала головой кня'жна, – у нас в Кремле, конечно, сегодня выдвигали такие предположения… но уж больно неправдоподобно это звучит. Да и город, по нашим данным, лёг… с небольшим перекосом и даже треснул в одном месте, а озеро вытекло. Нет, сами они на такие жертвы ради какого-то Кракова не пошли бы. Ладно, это всё лирика! Ты мне лучше скажи, кладоискатель доморощенный. Что? Трудно было меня хотя бы предупредить? Или я такая вредная старая стерва, что закрыла бы тебя дома и никуда не пустила?

– Ну…

– Не нукай, – рыкнула она. – Не запряг! Итак, я жду объяснений, где ты был?

– Нет…

– Что «нет»? – нахмурилась женщина, сурово глядя на меня.

– Ничего я не скажу, – ответил я, глядя прямо в глаза. – Клановая тайна.

– Ах, тайна… – язвительно передразнила Ольга Васильевна и тут же зло выкрикнула: – А ничего, что я твой опекун? И я обязана знать, где ты шляешься по ночам! Я тут прихожу домой, тебя нигде нет, и никто не знает, куда ты пропал! А если бы тебя похитили, чтобы так добраться до меня? Да я всю ночь не спала, испереживалась, всех кого могла на уши поставила, а он приходит утром весть такой красивый, бажовскими шмотками обвешанный! Клановая тайна у него… Чародей-недоучка! Мне повторить вопрос?

– Я могу извиниться, – насупился я, – но всё равно ничего не скажу! Вы мне сами объясняли, что мухи отдельно, а котлеты отдельно! То, что вы мой опекун, ещё не значит, что я обязан вас во всё посвящать!

– Вот, значит, как… – почти шёпотом произнесла женщина, и атмосфера в комнате мгновенно потяжелела.

Посерели цвета, притух свет, задребезжали стёкла, и зазвенела о блюдечко недопитая чашка с глинтвейном, забытая на столе. На плечи словно опустили бетонную плиту, вжавшую меня в кресло, а по спине пробежался неприятный пугающий холодок, но я как мог держался и, крепко сжав пальцами подлокотники и упрямо глядя прямо в глаза сидящей напротив женщины, прохрипел:

– Хотите что-либо узнать, – я тяжело сглотнул. – Вступайте в мой клан!

Мгновение – и всё закончилось, а затем Ольга Васильевна вдруг звонко рассмеялась.

– Спасибо, Антон! Ты извини, это я не над тобой смеюсь, – учёная быстро смахнула выступившие на глазах слёзы. – Прости. Я бы, наверное, даже хотела, но, к сожалению, не

могу. Политика, будь она неладна. Что ж… зато я теперь могу быть спокойна. Как минимум кое-что ты усвоил, и я могу быть уверена, что просто так ни о своих, ни о наших общих делах болтать не будешь.

«И что это было? – задал я сам себе вопрос, но с облегчением выдохнул. – Проверка на вшивость или…»

– То, что ты каким-то образом нашёл вход в московские катакомбы, как я поняла, через канализацию и проник в старое Убежище Бажовых действительно пусть лучше останется твоей маленькой тайной! – продолжая улыбаться, шокировала меня Ольга Васильевна.

«Она что? Прочитала мои мысли?» – в панике подумал я.

– К-к-как вы узнали…

– Антон, ну в самом деле, – элегантно подхватив чашечку и поморщившись из-за успевшего остыть напитка, пропела опекунша. – Я сейчас просто предположила, а ты подтвердил.

«Вот же ж! – мысленно выругался я. – Развела на раз-два, как ребёнка!»

– Да не смотри на меня лютоволком! – отмахнулась женщина. – То, что где-то в катакомбах под Москвой около века назад обосновались Бажовы, – известный факт. Мне когда по запросу подборку по твоему клану в архиве делали… там как раз копия допроса одного из двух попавшихся зеленоглазых была. Твои предки, конечно, были теми ещё конспираторами, но остальных-то глупее себя считать не надо! Да к тому же, когда я ещё маленькой была, ходила по Москве такая вот городская легенда про живущих под Полисом Зеленоглазых Бестий. Сокланoвцы твои, кстати, её и запустили в народ! По душе им была подобная таинственность.

– М-да?

– И тут утром появляешься ты, ничего, пусть и не по своей вине, о своём клане толком не знающий, зато в приметном пальтишке фасона, вышедшего из моды лет сто назад. Да ещё и с раритетным оружием… – она развела руками. – Что я ещё могла подумать? Что ты в одно рыло, ничего ещё толком не умея, обокрал чью-то родовую сокровищницу?

– Пожалуй…

– А по поводу канализации… – она наморщила носик. – От твоей одежды утром, когда я мимо проходила, душок был… не самый приятный, но вполне знакомый. Плюс ты где-то то ли упал, то ли ползал, вот я и предположила, что вход был именно там. Тем более что после той миссии с группой в подземные стоки ты начал суетиться и вести какие-то непонятные и не систематические приготовления… В общем, в любом случае тебе надо научиться держать себя в руках, а то тебя прочитать можно как открытую книгу. На лице всё написано.

Я только грустно вздохнул, признавая её правоту. И ведь не поспоришь, даже обидеться вроде как не на что. Расшатала, раскачала, удивила и в результате узнала всё, что хотела.

– Я… постараюсь, – ответил я.

– Да не расстраивайся ты, – улыбнулась Ольга Васильевна. – Лучше подумай и скажи… в клановые тайны я лезть не буду, но может быть как «опекун» могу тебе чем-нибудь помочь?

Молчание затянулось, а затем я, приняв решение, встал, сказав, что сейчас вернусь, и поднялся в свою комнату, где достал из сейфа пакетик с драгоценным кулоном. Всегда можно сказать, что он там был один-одинёшенек, да и к тому же в ближайшее время я повторных походов под землю не планировал.

А вот узнать побольше о том, что таскали из катакомб мои предки и насколько ценны подобные артефакты, самое милое дело. Кто, кроме Ольги Васильевны, справится с подобной задачей?

На обратном пути столкнулся с Алёнкой, возвращавшейся из подвала с корзиной стираного белья, почему-то мило покрасневшей и потупившей глазки. В гостиной же я, подойдя к опекунше, протянул свой трофей.

– Вот, – произнёс я. – Нашёл там. У него лёгкий странный фон, так что руками я к нему не прикасался. Даже в перчатках.

– Антон… – поражённо произнесла женщина, аккуратно подцепив пакетик за уголок двумя пальцами. – Ты вообще представляешь, что это такое?

Глава 3

Что такое «Иоллические артефакты», естественно было тайной, покрытой мраком. Я вообще в археологии практически не разбирался, знания ограничивались пересчётом известных эпох, а уж на какие они там периоды делятся, и какие династии правили старой Москвой, понятия не имел. Да и, признаюсь, ранее мне было просто неинтересно, а сейчас…

– Молчи! Молчи и никому никогда не говори о том, что нашёл…

– Хорошо, но вы…

– Антон. Я тебе в любом случае помогу. И на этот раз, и потом, если понадобится, – серьёзно посмотрела на меня Ольга Васильевна. – А сейчас я скажу, а ты услышишь, не удивишься и никак не выдашь себя лицом. Понял? И главное, молчи…

– Да… – я, нахмурившись, кивнул.

Тяжело вздохнув, женщина посмотрела на меня вдруг засветившимися фиолетом глазами и чётко, с расстановкой произнесла:

– Я не хочу, чтобы ты мне рассказывал, только ли это украшение нашёл в Убежище, или там их было множество. Я об этом ничего не знаю, и вообще тебя сегодня не видела, а артефакт в виде золотого иоллического амулета с камнем попал мне в руки не от Антона Бажова и никак с ним не связан…

Я не ответил, постаравшись выдержать каменное выражение морды-лица. Спустя пару минут молчания и переглядываний Ольга Васильевна устало выдохнула и слегка замученно улыбнулась.

– Всё…

– И что это было? – с подозрением спросил я.

– Это, Антон, был самоимпринтинг, – ответила она. – Вспоминая про кланы, ты правильно сказал, что я принадлежу к другому. Но я также часть Княжеской семьи, а потому, если что, не смогу отказать брату, когда тому потребуется проверить мою память…

– Это как? – напрягся я, подавшись вперёд. – Разве возможно прочитать память другого человека?

– К сожалению, да, – пождав губы, кивнула женщина. – Подобное искусство доступно чаровникам некоторых кланов. – Так же существуют некоторые артефакты, упрощающие чтение ментала.

– И что? – спросил я после нескольких секунд молчания. – Вот так просто можно взять и прорыться в голове у любого…

– Нет, конечно, – фыркнула Ольга Васильевна. – И это совсем не «просто», да и вообще запрещено, а от слабого менталиста у чародеев имеется природная защита.

– Часто Князь проверяет вашу память?

– Пока что подобное случилось всего один раз, – поморщилась женщина. – Не самая приятная процедура… Но это было необходимо, потому как появились подозрения, что я нахожусь под влиянием одного не очень хорошего человека. А допустить подобное по отношению к представителю княжеской семьи, да к тому же одному из кандидатов на трон тогда ещё в «Семицветии» не могли, вот брат и санкционировал проверку всего, не относящегося к тайнам клана моего бывшего мужа.

– И как этот самоимпртринг может вам помочь?

– Самоимпринтинг, – поправила меня опекунша. – Во время подобного ритуала, если это не допрос, имеющий конкретные цели, а поверхностный осмотр, более-менее разбирающийся ментальных техниках чародей, не находясь под разнообразными принуждающими чарами, может скрыть или немного изменить свои мысли, воспоминания, чувства и ощущения. Но не то, что происходило вне его головы, если, конечно, сам не подготовил себя к подобному. Так

вот я сейчас добровольно применила на себя импринтинг. Это как м-м-м… «туман», наложенный на образ другого человека. Довольно болезненно и затратно по живице, зато теперь, если кто-то полезет мне в голову, в воспоминаниях о тебе увидит только то, что я хочу!

– Почему… – я даже смутился от её слов. – Не стоило…

– Стоило, Антон! Стоило, потому что ты мой подопечный, и я несу за тебя ответственность! А по-другому эти тайны защитить не могу, – жёстко ответила Ольга Васильевна. – Я, конечно, та ещё стерва, самодурка и вообще сволочная баба, так что иногда, как сегодня, даю тебе поводы обижаться на меня и не доверять… но ты мне пусть и не сын, но уже год не чужой человек. Поверь, Антон, быть княжной правящего дома Полиса не значит жить в роскоши и кататься как сыр в масле, как думают многие. Наоборот это внешние, далеко не всегда приятные атрибуты и небольшие бонусы на фоне постоянного жёсткого прессинга как от семьи, так и от различных спецслужб, полностью контролирующих твою жизнь. Так что поверь, я прекрасно понимаю и уважаю твоё желание сохранять личное пространство и иметь тайны. Для меня очень важно то, что пусть я и нагло влезла в твои дела, но ты всё равно, выказал мне доверие.

– Спасибо…

– Это тебе спасибо, – грустно усмехнулась женщина. – Давай-ка иди ужинай, выпей сонного зелья и ложись спать. Лафа закончилась, завтра начинаются занятия, и если ты выспался и прокуролесишь теперь всю ночь, то собьёшь весь режим.

– Хорошо, – покладисто кивнул я и, уже вставая, спросил напоследок: – Так что это такое, Иоллические артефакты? Они ценные?

– Очень, – ответила мне Ольга Васильевна, постучав пальцем по столешнице рядом с аккуратно отложенным амулетом в пакетике, – если выяснится, что это не более поздняя реплика, то перед нами характерное женское украшение Иоллического периода времён правления династии Рогомиричей. Да ещё и с сохранившимися остатками зачарования, которое, если постараться, можно восстановить, что само по себе редкость…

«Редкость…» – я как-то живо вспомнил буквально фонящие чужеродной магией драгоценности фигурки и статуэтки в укрытии Бажовых.

– …и если выяснится, что конкретно тебе по той или иной причине этот артефакт не нужен, продать его будет проблематично, – продолжила говорить учёная, хмурясь в такт своим мыслям. – Рескриптом от начала этого века Княжеский Стол приравнял артефакты такой древности к категории «Клады опасные и древние, найденные по всему свету, подлежащие изъятию с малой компенсацией и последующей передачей в надёжные руки». Под последними, естественно, подразумеваются чародейские кланы из «Алого Бархатного Списка» и влиятельные промышленники, а также банкиры из простецов… тех, что оказались поглупее.

– Это как вообще?! – воскликнул я.

– Да очень просто! – презрительно фыркнула женщина и поморщилась. – Так захотели наши дорогие аристократы из «Алого Бархатного Списка» и примкнувшие к ним в едином порыве нувориши. А моему прадеду не оставалось ничего другого, кроме как согласиться с их требованиями, когда ему напомнили, что по договору он не самодержец, а всего лишь «первый среди равных, но если нужно, то найдутся и поровнее».

– Другими словами… – произнёс я. – Пригрозили устроить бунт?

– Намекнули на то, что правящую династию можно и сменить, – покачала головой опекунша. – Причём, у него перед глазами был пример Тимирязевых, наших родственников… Можно сказать, они были «младшей ветвью», ведь мы происходим от самого Святогора и пусть официально сохраняем нейтралитет и носим другую фамилию, но негласная поддержка такого сильного клана, как Тимирязевы, всегда была опорой поколениям моих предков. Так что, прежде чем выкручивать прадеду руки, его просто лишили естественных союзников, а ему только и оставалось, что улыбаться и делать вид, что ничего «такого» не произошло. Повезло

ещё, что под предлогом наличия на клановых землях Академии удалось их национализировать в пользу Полиса! Тогда, пользуясь слабостью власти, «Алые Бархатные» с примкнувшими к ним простецами вообще много чего наворотили, что совершенно легально делало бы их ещё богаче, а остальных лишало подобной возможности. А для соблюдения видимой законности своих требований привлекли нескольких влиятельных магнатов из простецов, из тех, что соблазнились обещаниями. А потом просто и без жалости за несколько лет избавились от этих много о себе возомнивших конкурентов.

– И почему эти законы ещё действуют? – нахмурился я. – Давно бы уже отменили…

– А зачем кланам отменять то, – посмотрев мне в глаза, произнесла Ольга Васильевна, – что им же и выгодно, а остальным либо неинтересно, либо про это вовсе неизвестно?

– Я про Князей говорю…

– Так Князья, Антон, не всесильны, – грустно усмехнулась женщина. – Вон, мой отец пробовал стать чем-то большим и подмять под себя кланы, а в результате создал «Семицветие», чуть ли не худшего монстра, чем вся аристократия и простецы-нувориши с глупыми законами вместе взятые. А так – сам смотри! Каков шанс, что простой человек найдет нечто подобное?

Опекунша опять постучала по столику возле украшения.

– Практически нулевой! – произнесла она после моего недолгого молчания. – Это ты у нас, Антон, такой уникум. А между тем стоит этот амулет целое состояние. Так почему бы не отобрать драгоценную побрякушку руками Полиса, как потенциально опасную вещь?! Тем более что древние чары действительно могут представлять нешуточную угрозу, так что вроде как всё честно. Тебя, мальчишку, скорее всего, просто запугают и в лучшем случае дадут в зубы три рубля и отправят восвояси. Чиновники шустро попилят положенные тебе пять процентов компенсации за артефакт, сделав свои семьи немножечко богаче опять же за счёт Москвы, а амулет заберут в свои «надёжные руки» какие-нибудь Морозовы, если, конечно, сумеют вырвать его у остальных членов «списка». Ведь если честно платить за подобные вещи из казны клана, то так и без штанов остаться недолго! И всё: уважаемые люди довольны, а те, кому «не надо», включая тебя, так никогда и не узнают, что же нашёл мальчик-чародей, копаясь в канализации. Так зачем что-то менять?

– То есть… – помрачнев, начал я, но Ольга Васильевна меня перебила, хитро улыбнувшись.

– То есть, если амулет окажется настоящим, и ты решишь его продать, делать это мы будем либо через аукцион Перевозчиков, либо через «Чёрный рынок». Но скорее всего, через аукцион, потому что только там имеется возможность получить за твою находку настоящую цену. А то и чуть больше.

– Аукцион, – я в который уже раз удивлённо посмотрел на сидевшую передо мной женщину. – Никогда не слышал, чтобы у Перевозчиков было нечто подобное…

– Ну так они этого и не афишируют! – пожала плечиками опекунша. – Кому надо, те знают, а остальным и не нужно! Запомни, Антон, Перевозчики – это не просто странные люди… или не совсем люди, недолюбливающие чародеев и гоняющие между Полисами свои громады локомотивов. Это очень серьёзные дельцы, оказывающие многочисленные услуги в городах, в которых у них имеются собственные вокзалы, которые на их территории не подчиняются местному законодательству. Фактически это чуть ли не основное требование к Полису с их стороны, без выполнения которого он просто будет отрезан от их транспортной сети!

– Понятно!

– Ну, раз понятно, тогда живо на кухню и спать! Сонное Алёна принесёт тебе в комнату…

* * *

Когда Антон ушёл, Кня'жина ещё какое-то время посидела в кресле, бесцельно болтая в стакане остатки давно остывшего глинтвейна и ещё раз прокручивая в голове состоявшийся разговор. Первая его часть прошла не совсем так, как ей бы хотелось. Из-за всех этих проблем с Варшавой и двух суток проведённых без сна Ольга чуть всё не испортила, сорвавшись на этого несносного мальчишку!

Не говорить же ему, что она действительно взволновалась, когда охрана донесла, что он сунулся на ночь глядя в какую-то дикую авантюру.

«Нет… такой глупости я точно не допущу! – подумала учёная, привычным жестом заправив за ухо непослушный локон. – Не дай Древо, подумает, что пытаюсь играть на чувствах сиротки, а то и вовсе переживаю из меркантильного интереса! Такому мальчику, как он, проще думать, что его используют, чем принять то, что в чужой тётке проснулся материнский инстинкт…»

И ведь вот же зеленоглазый гадёныш с талантами ходока-подземника, впрочем, последнее у Бажовых в крови. Приставленный к нему чародей, вассал самой Ольги, без проблем довёл парня до створа в канализацию. А уже в тоннелях почти моментально потерял парня и принял решение возвратиться и доложить о произошедшем.

Вынырнув из размышлений, женщина жестом подозвала к себе возвращавшуюся с кухни служанку Алёну. Вот ещё одна головная боль с не по-посадски «правильным» воспитанием. Порой Ольге Васильевне казалось, что было бы куда лучше, если бы Антон притащил домой не этот «аленький цветочек», а отвязную шалаву, готовую раздвигать ноги по первому свисту! Впрочем, в перспективе имеющийся материал куда более ценен, нежели грязная подстилка, которую в любом случае пришлось бы убрать. А здесь, если поработать…

«Вот мамочка и поработала для сыночка…» – мысленно хмыкнула женщина, разглядывая стройную фигурку поклонившейся ей девушки.

– Антон поел? – строго спросила она.

– Да, хозяин сыт и поднялся в свою комнату, – кивнула Алёна и, слегка покраснев, отвела взгляд. – Я, собственно, спустилась… за необходимым ему сонным зельем…

– Хорошо. Антон выпил то, что я велела ему дать?

– Да, – кивнула девушка. – Хозяин принял лекарство прямо перед едой, как вы и говорили.

«Ну… в какой-то мере качественный афродизиак действительно можно считать лекарством, – пронеслось в голове у Ольги Васильевны. – От мнительности, стеснительности, комплексов и прочих подобных пороков, мешающих развиваться молодому организму парня, строящего из себя брутального мужика».

И ведь вот ещё беда! Если в кланах вопросами полового созревания юношей, а соответственно, и будущей сопротивляемостью как к «природным», так и «настоящим», женским чарам занимаются целенаправленно, то с отвратительным воспитанием Антона к нему с чем-то подобным просто так не подступишься.

Выросший в среде простецов парень считает такое своим личным делом! И Древо с ним, будь он опытным мужчиной, а не шестнадцатилетним юнцом с бурлящими гормонами, замешанными на коктейле из девственности, моральных запретов, собственных установок на общение с противоположенным полом, возведённых в абсолют за время проживания в приюте на Дне. Плюс моральная травма из-за разрушенных иллюзий первой любви к зелёноволосой сучке.

У простецов его нынешнее поведение посчитали бы достойным и правильным! Почти идеально соответствующим тому, чему учат Жрецы Древа, порицающие в их среде пустой блуд

и распутство! Но в том-то и дело, что у чародеев своя мораль и собственные правила, которые те же Жрецы полностью разделяют, благословляя кланы плодиться и размножаться! Вот и как тут быть?

Это в кланах всегда есть евгеники и наставницы, а также в каждом поколении имеется с десяток правильно воспитанных девиц-слабосилков подходящего возраста, готовых начать выполнять свой единственный долг перед родичами, а ведь есть ещё и относящиеся к клану простецы. Да и воспитаны там мальчики по-другому и знают кого «можно» и «нужно», а кого «нельзя»! Что только женщина может позволить себе до последнего оставаться девственной, а рождение случайного ребёнка, что изредка, но случается, не повод рвать на себе волосы, пытаться играть в «любовь» и «правильную семью», а всего лишь усиление собственного клана, который его не бросит, позаботится и вырастит младенца.

Принципов «циркуляции и обновления ядер» никто не отменял, и, если нет противопоказаний от евгеников из-за чересчур близкородственных связей, внутриклановый союз только усиливает общее потомство. На этом и стоят ортодоксальные кланы, отвергающие «кровь со стороны» и блюдущие свою чистоту, и там девушки из дальних и ослабленных ветвей вообще воспитываются как будущие супруги наследников и сильных чародеев старшей семьи.

Но вот объяснить это Антону… оказалось проблематично. Намёков он не понимал, сам особых телодвижений в сторону женского пола не делал, а после оказии с Наталией так и вовсе, как казалось Ольге Васильевне, сторонился любых отношений, кроме товарищеских. В итоге, промыв парню мозг на тему «Правильного использования людей», она подготовила почву и практически прямолинейно сказала юноше, как ему следует использовать Алёну… Кня'жина немного подождала и, так и не заметив каких бы то ни было результатов, решила взять ситуацию в свои руки.

«Хотя… сама виновата! – мысленно укорила себя учёная. – Сама предложила Антону не торопиться и не тащить девчонку в кровать самому, а дать ей созреть… А по сути, навязала пассивную роль! Вообще-то всё верно сказала, да только не учла полное отсутствие у паренька опыта даже простейшего соблазнения, а без этого при наличии такой же девушки нужных результатов можно было ждать до морковкина заговенья! Ну, или пока не случится "по любви!" Не дай то Древо!»

Последнее действительно не нужно никому! И Антон это вроде бы понял… Вот только парень он молодой, а ум и сердце в этом возрасте редко идут рука об руку. Так что ситуацию нужно было форсировать, но и здесь возникли некоторые проблемы.

Нет, Алёну за прошедшее с момента ранения Антона время Ольга Васильевна обработала. Мальчик ей и так нравился, да и место своё девушка вполне осознавала, ну а кое-какие эликсиры и слабенькие ментальные коррекции постепенно позволили развить эти чувства в нужную Кня'жине сторону… Благо та была обычным человеком. После чего возникло новое препятствие. Точнее, странный выверт сознания.

Девочка жутко трусила. Боялась предстоящего «первого раза» и оттого впадала в депрессию, почему-то считая себя дурнушкой, которая ни за что не понравится Антону… Видимо, насмотревшись на дефилирующих туда-сюда вокруг Антона клановых княжон, ведь что Ефимова, что Громова буквально не отлипали от парня, да и Уткина нет-нет, да и крутилась где-то неподалёку.

В общем, всё с этими детьми не слава Древу!

– Хорошо, – повторила женщина и, вздохнув, спросила: – Ну что? Ты всё ещё «не готова»?

– Нет… – едва слышно пискнула Алёна. – Пока нет…

«Ага… – мысленно фыркнула Ольга. – А то мне не сообщили, что кое-кто, подлив Антону пару капель "Красочного сна" в чай, весь день "набирался смелости" в обнимку с моим подопечным. Прямо в его кровати… Нет уж, милочка! Давай-ка ускоримся!»

– С тобой всё в порядке, Алёна? – притворно нахмурившись, с заботой в голосе спросила хозяйка дома.

– Не… не знаю, – ответила ей служанка и честно пожаловалась: – В голове в последнее время как будто пусто…

«Ну а что ты хочешь? – усмехнулась про себя Кня'жина. – Это на одарённых разнообразные приворотные зелья и прочая лабуда практически не действуют. Всё родной живицей выжигает. А на вас простецов – очень даже! А тут ещё небольшая коррекция была… Так что, когда ты всё усвоила, пошёл небольшой откат. Ничего, скоро пройдёт…»

– Вот, – встав, Ольга Васильевна подошла к одному из шкафов и, достав из него заранее припасённую бутылочку с заклеенной обёрткой, протянула её девушке. – Выпей залпом, это укрепляющее. И принеси уже Антону сонное, он, небось, зажался.

– Да, госпожа!

«Точнее… не укрепляющее, а стандартный контрацептив с афродизиаком, который я купила в аптеке по пути домой. Но об этом я тебе не скажу!» – ехидно подумала учёная, глядя в спину выходящей из гостиной девушке.

* * *

Проснувшись утром и поглядев на мирно посапывавшую на моём плече Алёну, я как-то не сразу понял, что здесь, собственно, происходит и что девушка делает в кровати. А затем всплыли воспоминания о вчерашнем вечере, и меня словно палкой по голове ударили.

Вот служанка, постучав и дождавшись ответа, входит в комнату. Я в этот момент стоял у окна и любовался ночным небом, обернулся, только услышав, как стукнулся об пол выпавший из рук девушки фиал с сонным эликсиром. Однако стоило мне только увидеть её огромные глазищи, как внутри всё буквально закипело, и когда девушка, прижав руки к груди, сделала шаг вперёд, мне показалось, что она сейчас упадёт. А уже через мгновение та оказалась в моих объятьях. Наши губы слились в долгом поцелуе.

Картины того, как мы оказались на кровати, как я ласкал обнажённое тело и несколько неловко из-за отсутствия опыта взял Аленку под стон, сорвавшийся с её губ, в буквальном смысле промелькнули перед глазами. Всё произошло как-то… естественно, а оттого эти воспоминания, как и то, что произошло после, не казались чем-то постыдным. Наоборот, это было приятно, очень даже приятно!

При этом я прекрасно понимал, что моё отношение к Алёне вряд ли можно назвать любовью. Определённая степень привязанности, вполне естественное желание обладать красивой женщиной, которую я сделал своей. Наверное, всё и не могло закончиться иначе между живущими длительное время под одной крышей молодыми мужчиной и женщиной. Я же никого ни к чему не принуждал, да и Ольга за прошедшее время весь мозг проела, так что даже мысли о том, что я кого-то там обесчестил, а теперь как честный человек должен жениться, просто-напросто не возникало.

Впрочем, размышлять на эту тему, касаясь высоких материй, мне сейчас совершенно не хотелось, а вот повторить я был не против. Тем более что девушка тоже проснулась и сейчас лежала с открытыми, поблескивающими глазами, внимательно изучая мой профиль.

Так что я занялся закреплением пройденного ночью материала, а спустя ещё минут тридцать, сидя на кровати рядом с уставшей, но явно довольной Алёной, крутил так и этак родившуюся у меня во время бурной кульминации мысль. А затем, решив все для себя, повернулся к улыбнувшейся служанке.

– Скажи, Алёна, – произнёс я, заметив, как красавица слегка напряглась. – А ты не хотела бы войти в мой клан? Хочешь стать Бажовой?

– Но… господин! – девушка явно запаниковала, а оттого я сразу смекнул, что определённые внушения на подобную тему таки сделаны. – Вы не можете жениться на мне! Я не… Я же…

– Я не говорю о свадьбе… – успокоил я служанку, хоть и заметил, как в её глазах мелькнуло небольшое, но разочарование.

«Прости, милая, ты очень хорошая, но если говорить о чувствах… – мысленно извинился я, – то я ни к кому ничего такого не испытываю… Наверное…»

– Просто я хочу сделать тебе как моей первой женщине один ценный подарок, – закончил я мысль.

– Но… я не могу войти в ваш клан… – ответила она немного расстроенно. – Клан чародейский… а я обычный человек…

– Ну, во-первых, простецы могут состоять в клане, – произнёс я и после небольшой паузы добавил: – Как минимум в клане Бажовых. А во-вторых, это нечто более ценное, но сделать подарок я смогу, только если ты согласишься с предложением.

В комнате после этих слов повисла звенящая тишина. Алёна просто смотрела на меня, а я – на неё. Затем девушка отвела взгляд, и я уже думал, что откажется, но тут она тихо произнесла.

– Я согласна, – а затем, тяжело вздохнув, добавила: – Согласна, но только если своим решением не нанесу ущерба вашей чести.

– Не нанесёшь, – улыбнулся я, а затем, встав в чём масть родила, прошёлся до своего сейфа, краем глаза заметив, что будильник показывает шесть часов утра с копейками.

Открыв дверцу, я вскрыл внутренне отделение и уже оттуда достал хрустальное яблоко. Не то, зелёное пламя в котором казалось мне самым сильным и яростным, а то, что было наиболее красивым. Похожим на крутящийся цветок, внутри которого вспыхивали, вертелись и гасли золотые искорки.

Оглядевшись в поисках какой-нибудь тряпки, я ухватился за штору и тщательно вытер хрустальный плод. Даже подышал на него, а затем вернулся к девушке, внимательно наблюдавшей с кровати за моими манипуляциями.

– Вот, – я протянул яблочко. – Это самое дорогое, что у меня есть и что я могу тебе подарить.

Алёна ахнула, увидев, что я держу в руках.

– Какая красота… Не стоило из-за…

– Стоило, – улыбнулся я. – Отказы не принимаются!

– Хорошо… – медленно кивнула девушка. – Спасибо, господин! Я буду хранить его всю свою…

– Нет, – прервал я, а затем, глубоко вздохнув, сказал: – Съешь его прямо сейчас!

Я рисковал. Очень рисковал и даже не собой, а доверившимся мне человеком, ведь я не знал, как на самом деле используются эти плоды, вырванные из тела материализовавшейся в хрустальное древо душой. Однако по какой-то причине был уверен, что его нужно именно съесть.

Может быть, дело в том, как появлялось подобное яблоко, а может, в том, что прозрачный плод на ощупь ощущался, как самый что ни на есть настоящий, но протягивая его девушке, я пусть и боялся за неё, но верил, что поступаю правильно.

– Но как… – в глазах Алёны отражались непонимание и испуг, и прежде, чем она подумала что-нибудь совсем плохое, я взял руку девушки и положил в неё плод. – Ой… На ощупь как обычное яблочко.

– Попробуй надкусить, – ободряюще сказал я.

Хруст словно самого настоящего фрукта, надкушенного аккуратными белыми зубками, прозвучал для меня победной песней. Причём пережёвывала кусочек девушка очень даже легко.

– Очень странный вкус, – сообщила она, вновь доверчиво глядя на меня. – Лёгкий и приятный. А если описывать, хочется сказать, что я сейчас попробовала весну.

– Весну… – удивился я. – Это как?

– Не знаю, – пожала она плечиками и откусила ещё раз. – Но по-другому как-то не получается. Сладкий запах цветов, разноцветие трав на изумрудном лугу за околицей посада, тёплый ветерок после долгой зимы и журчание весёлого ручейка, что течёт из Злобного леса.

– Интересные ассоциации, – улыбнулся я. – Доедай его полностью.

И она доела, а через мгновение закрыла веки и, если бы я не подхватил, просто упала бы на перину. От тела девушки, словно волны, начали расходиться потоки родственной мне живицы, пульсирующей и будто радующейся. А через минуту дверь за моей спиной слетела с петель, и в комнату ворвалась всклокоченная Ольга Васильевна. Почти в то же мгновение Алёна открыла глаза, сверкнувшие поистине колдовскими зелёными омутами, точно такими же, как я видел каждый день в зеркале.

– Что за… – потрясённо произнесла моя опекунша, глядя на приподнявшуюся и взглянувшую на неё Алёну.

– Доброе утро, госпожа, – мягко и устало сказала девушка, явно ещё не пришедшая в себя. – Я сегодня немножко опоздала, простите… Как-то чувствую себя не очень…

– Алёна… – воскликнула Ольга Васильевна. – Антон, что здесь…

– Мгновение, – извинился я, рывком сдёргивая ближайшую штору. – Я прикроюсь…

– Да что здесь происходит?! – слегка покраснев, выкрикнула женщина.

* * *

По шее я-таки получил… официально за разврат, но на самом деле за оборванную занавеску, но про то, что в действительности произошло с Алёной, молчал, как подмосковный партизан на допросе у казанцев, ссылаясь на «клановую тайну». Вот только не думаю, что слегка прибабахнутая потоком собственной живицы новорожденная или, точнее, новосозданная Бажова, которую Ольга Васильевна со срочно вызванной Ларисой Вениаминовной утащили в госпиталь, сумеет удержать язык за зубами.

Ох, как же многообещающе опекунша поглядывала на меня, когда я перекладывал вновь заснувшую Алёнку на принесённую медсестрой каталку… сразу стало понятно, что вечером меня ждёт очередной «серьёзный разговор». Впрочем, я уже и сам понял, что, поддавшись своим желаниям, мало того что поторопился, так ещё и чуть было не натворил дел. Ведь если о том, что яблоко надо съесть, ещё можно было догадаться, то о возможных последствиях я как-то совершенно не подумал…

В любом случае сделанного не воротишь, и если существуют какие-нибудь чары, при помощи которых можно отмотать время назад, то я о них даже не слышал, да и вряд ли вообще способен был на подобное страшное колдунство. Именно с грустными мыслями о том, что я если и не клинический идиот, то что-то вроде того, переодевшись в повседневную форму, я направился в академическую столовую, потому как кормить меня сегодня было просто-напросто некому.

Лекции в этот день оказались на удивление скучными. Право, политическая история и углублённая анатомия человека пусть и велись профессорами, которые великолепно знали свой предмет, но вот сосредоточиться на занятиях я просто-напросто не мог, в мыслях всё время возвращаясь к Алёне и к тому, что я натворил. Хорошо ещё, что в последнее время удалось наловчиться вести конспекты машинально, и в то время как сам я витал где-то в облаках, рука методично, правда, не слово в слово, а с сокращениями переносила речь лектора на бумагу.

Отобедали мы вместе с Нинкой и примкнувшей к нам Уткиной, как обычно, в «Берёзке», откуда мы с одногруппницей направились прямиком в Ясеневые Палаты, где, собственно, и провели остаток большой перемены. Не только потому, что в Палатах можно было хорошо отдохнуть, но и по той причине, что перед предстоящим занятием с Мистерионом мне следовало бы подбить кое-какие документы, касающиеся последней миссии. Нет, всё самое важное я давно уже сдал, благо что, как оклемался, от нечего делать сразу же занялся составлением нужных бумаг, а затем загрузил этим всех остальных «здоровых» членов нашей команды. Но вот перед разбором полётов, а скорее всего, он сегодня и состоится, требовалось кое-что уточнить, а для этого мне нужна была помощь ответственных консультантов.

Именно там нас с Ефимовой и нашла приехавшая из своей Академии Сердцезарова, словно королева вплывшая в древнее здание и, вежливо поздоровавшись с факультетским старостой-дежурным, более не обращая ни на кого внимания, прошествовавшая в наш уголок.

– Бажов, Ефимова, – находясь на людях, Машка вновь натянула маску недалёкой стервозной красавицы, а потому приветствие прозвучало так, будто она делала одолжение.

– И тебе того же, – буркнула Нинка, что-то яростно записывая в блокнот.

– Приветствую, – я также кивнул головой.

– Вы знаете, что у нас в команде замена? – сразу же с места в карьер начала молодая чаровница, подсаживаясь к нам за столик. – Мне вчера передали медицинские карты неких Борислава Николича и Дарьи Светловой. Вы с ними случайно не знакомы?

– Знакомы, конечно, – ответила Ефимова, отрываясь от своего дела, – это наши бывшие одноклассники. А то, что они теперь приписаны к нашей команде, я, естественно, знаю.

– А чего мне не сказала? – удивился я.

– Ну… ты сегодня с утра весь такой мрачный и задумчивый, – пожала плечиками красноволосая девушка, – что я решила не лезть с откровениями. Думала, ты из-за Дарьи расстроился… У вас же всё с первого дня «очень сложно».

– Вот ещё, – фыркнул я, а затем едва не прикусил язык, потому как уже хотел сослаться на головную боль, но быстро поправился: – Дела клана…

При Маше говорить, что у тебя что-то болит, чревато! Уж кто-кто, а я знал об этом не понаслышке.

– А что такое? – Сердцезарова изящно выгнула бровь, картинно демонстрируя интерес.

– Ну… понимаешь, – замялась Нина, а затем, вздохнув, продолжила: – У нашей Даши очень… суровый характер. Вот они с Антоном и поцапались в первый же день.

– Говори проще, – раздался справа от меня знакомый голос, и тут же на пустом месте появилась наша беловолосая знакомая. – Я – та ещё стерва, а он – невоспитанный и необразованный хам!

– Самокритично, – фыркнула Маша.

– Мария, позволь представить Дарью Светлову, нашу бывшую одноклассницу, – как единственный мужчина в компании произнёс я, а затем, обращаясь уже к белоснежке, спросил: – Ты же вроде бы у нас ёлочница. Как ты здесь оказалась?

– Пришла, – пожала девушка плечиками, устраиваясь на диванчике рядом со мной. – Ножками. Посещать другие Палаты, знаешь ли, не запрещено.

– А почему в невидимости? – поинтересовалась уже Нина.

– Тренируюсь, – ответила Светлова, поморщившись. – Каждую свободную минуту. Я, после того как эти сволочи перебили группу, вообще стараюсь не тратить время попусту.

– Это кто ж вас так? – удивился я.

– Наёмники, – не глядя на меня бросила девушка, всем видом демонстрируя, что развивать тему не намерена.

– А с Бориславом что случилось? – поинтересовался я, глядя на Ефимову, которая всегда всё обо всех знала. – Не просто так же его в нашу группу перевели.

– У них наставник умер, – ответила девушка. – Вот группу и расформировали, чтобы прикрыть первые потери курса. Говорят, этот год вообще выдался неудачным. Только в нашей академии на практике два двухсотых, пятеро пожизненных калек и куча раненых.

– Погоди, – я нахмурился. – У Борислава же Остожин был! Как же его так?

– Говорят, сердце во сне прихватило, – задумчиво произнесла девушка. – Хотя, сам понимаешь, знаменитый чародей, не факт, что ему кто-то не «помог».

– Да-м… – пробормотал я.

Над столом на пару минут повисла неприятная тишина.

– Нам, кстати, тоже чуть было наставника не сменили, – произнесла, наконец, Ефимова, переводя разговор на новую тему. – Говорят в Княжеском Столе из-за нашей последней миссии жуткий скандал случился. А Мистериона Алтынов-старший за своего «золотого мальчика» чуть не прибил! У нашего масочника теперь испытательный срок, и если с нами в этот год ещё что-нибудь случится, у него будут очень серьёзные проблемы…

– Правда, что ли? – удивился я.

– Ты сомневаешься в моей информации? – чуть вздёрнув носик, с лукавой улыбкой произнесла Нина.

– Нет естественно, – поспешил отмазаться я, тоже улыбнувшись.

– К-хем… Так что этот Борислав? – привлекла к себе внимание Маша, возвращая разговор к интересующей её теме.

– Ну… – я замялся, вспоминая экстравагантных дымных клонов серба, а также то, что в последний раз он делал троих, по числу сидящих возле меня девушек. – Скажем так, Николичь у нас сложный человек…

– У вас, как я посмотрю, все непростые! – хмыкнула Сердцезарова.

– Да… парень он, конечно, хороший, – усмехнулся я. – Но работой по профилю тебя точно обеспечит…

– Не поняла… – удивилась Маша, на мгновение потеряв маску, а вот Нина с Дашей сразу вникли в намёк и, слегка покраснев, отвели взгляды.

– Скажем так, – произнесла Дарья. – Если он с прошлого года не изменился, мы будем его калечить, а ты лечить, а затем сама калечить. И так по кругу, следуя постулатам учения Железного Змея Уробороса.

Глава 4

Комната нашей группы встретила меня и девочек темнотой, из-за отрубленных от питания энерголиний, и светящейся печатью блокировки двери оружейной. В общем, временной консервацией.

Включить рубильник на щитке, предварительно проволокой и ножом вскрыв простенький замок, проблем не составило. Оружейная же вынуждена была дожидаться либо возвращения Алтынова, либо назначения заместителя или нового ответственного лица, которое получит соответствующий ключ. Впрочем, никому из нас так уж срочно заглянуть туда не было никакой необходимости. Лично я ещё не решил, оставлять ли добытый в катакомбах арбалет полностью на попечение своих одногруппников или нет. А вот зарегистрировать его за нами в любом случае надо, хотя бы для того, чтобы, случись ему сломаться, не возиться с орудием в частном порядке, а передать на ремонт человеку, за работой которого присматривают специалисты.

Ну и, понятное дело, если подобная машинка выпадет из моих ослабших рук, надо, чтоб о её особенностях знали те, кто может подхватить её, спасая мне жизнь.

В общем-то, именно по этой причине на полигонных тренировках мы периодически менялись подсумками с ножами и учились метать клинки товарищей. Всё-таки типовыми ножами пользовалась исключительно Ленка, а например, к моим, пусть и считавшимся очень простыми, следовало привыкнуть.

Ну а изогнутые, чем-то напоминавшие формой шашку, которыми пользовался наш Золотой мальчик, надо было ещё и прочувствовать! Ведь далеко не у всех имелся талант Нины Ефимовой, которая могла метать что угодно и как угодно, даже первый раз взяв в ручонки незнакомую по балансу железяку.

– Готово! – сказал я, и кристаллы, пару раз мигнув, осветили комнату.

– Наверное, глупо было надеяться на какую-то индивидуальность… – хмыкнула Дарья, входя в комнату. – Всё то же самое, только позора на стенах побольше будет…

– Позора? – ответственная за наши жизни Машка зло посмотрела на беловолосую, а затем, переведя взгляд на дальнюю стену, ответила: – Шестьдесят первая рука, одна из самых древних! Мы… мы не гордимся потерями… мы чтим тех, кто был до нас, пусть им и не повезло!

– Ты не права, Даша… – нахмурившись, произнесла Нина. – Не надо так…

– Я… не хотела вас обидеть, – внезапно сникла обычно гордая и язвительная Светлова. – Простите… Просто для моей семьсот шестьдесят седьм-мой группы… А последние четыре портрета, мои… я… виновата…

Нина, понявшая быстрее других, о чём говорит бывшая одноклассница, подошла и порывисто обняла ее, а Дашка… Белоснежка внезапно разревелась так, словно плотину, которую она возводила вокруг себя, просто прорвало.

Даже Сердцезарова явно проглотила ехидный ответ, который готовила на очередную Дашкину колкость, и, на мгновение потеряв маску, вопросительно посмотрела на меня. Видимо, она думала, что вступает в перепалку за честь чаровничьего корпуса, а Дашку при виде нашего «иконостаса» накрыли воспоминания.

Так что я просто мотнул головой в сторону девочек. И даже не удивился, когда вечно играющая Мария схватила и притянула к себе красноволосую и белоснежку. Всё-таки она хорошая девушка, а всё остальное вторично.

Я же в который раз посмотрел на стену за лекторской кафедрой, где вокруг проекционного экрана, тряпки опускаемой перед обычной доской для мела, располагались специальные

панели памяти, некоторым из которых просто не хватало места, и они были перенесены на правую стену, подвинув собой плакаты с методическим материалом по духам и монстрам.

Гуляла по Академии такая легенда, якобы, когда в аудитории портреты мёртвых некуда станет вешать – последние из занимающей комнату группы будут прокляты.

Триста сорок семь берестяных рисунков, пергаментов, бумажных портретов, старых и новых фотографий, хранивших молодые лица студентов, так или иначе погибших во время обучения в Академии. И это только малая часть истории нашей руки, ведь после выпуска номер не сменится, и новые школьники получат его только после того, как отряд будет полностью уничтожен на одной из миссий. Ну, или потеряет от трёх до четырёх бойцов, после чего его решат расформировать.

Минут пять ушло у девушек на то, чтобы успокоить беловолосую.

– А что у ва… – рот вошедшего в открытую дверь Борислава я просто и без раздумий закрыл рукой, за что получил вначале возмущённый, а затем вопросительный взгляд, кивнув в сторону обнявшихся девушек.

– Что происходит? – прошептал мне парень, когда я отнял руку.

– Дашка, увидев наш иконостас, вспомнила о своих…

– Знаю про них… – тихо ответив мне, кивнул серб. – Познакомиться успели…

– А я нет… – ответил я, глядя на наших красавиц.

– Не удивлён, – тихо фыркнул он. – Ты ещё в школе общался только с теми, с кем вынужден был пересекаться. Знаешь, что тебя все младшеклассницы боялись? Разве что кроме девчонки Громовой?

– Чего? – удивился я, а потом фыркнул. – Хотя, ну, я же страшный криминальный авторитет… Понятно, что они…

– Нет, ты страшный дурак, – усмехнулся приятель. – Своим прошлым ты их только привлекал, как мотыльков огонь. А вот подойти боялись! Ты ведь с такой суровой мордой по школе в одиночку ходил, даже те, кто желал познакомиться, предпочитали этого не делать.

– Да ладно! – меня даже как-то задело подобное.

– Вот тебе и «ладно»! – Борислав покачал головой. – Даже слова Громовой о том, что ты «хороший» и никого не обидишь, мало кого убеждали…

– Ага, – возмутился я. – Сам-то откуда знаешь? Уж ни за что не поверю, что ты был популярен настолько, чтобы с тобой делились самым сокровенным!

– Лансаниэль…

– Кто…

– Ну, Риахард Ферондуэль Корвиус Дитрих!

– Это вообще кто? – спросил я.

– Да Васька наш… – отмахнулся Борислав.

– Пупочкин, что ль?

– Естественно, – улыбнулся приятель. – А то не знаешь, как тот величественные имена после каждой неудачи на любовном фронте менял. Он, собственно, мне и рассказал.

– Где он сейчас, кстати?

– В кудесники подался… – отмахнулся серб.

– Мальчики, о чём вы? – влезла в разговор Нина. – Мария, познакомься, вот это Борислав. Совсем забыла, надо научить тебя чарам наведения объёмной слепоты, а то ты в туалет даже спокойно сходить не сможешь.

– Что? – удивилась Машка.

– Так! – тихо прошипела Дарья и, вспыхнув, схватилась за воротник формы Борислава. – Быстро вызвал своих кукол!

– Лениво… – как обычно в своём стиле протянул серб, после чего Белоснежка, зарычав, начала его реально душить. – Убивают…

Правда, вырываться или вообще сопротивляться Борислав не пытался.

– Да сделай уж что говорят, – рассмеялся я.

– Предатель, – пробурчал парень, вызывая трёх голых дымных девиц. – Наслаждайтесь победой.

Нина с Дарьей сразу запунцевели, глядя на свои копии, а вот Сердцезарову почему-то не проняло. Наоборот, она с каким-то исследовательским интересом осматривала свой «экземпляр».

– Ну, во-первых, у меня грудь другой формы и половые органы не такие, – произнесла наша чаровница, прохаживаясь вокруг. – Но в остальном очень… очень интересно…

– Мария… – воскликнула Нина, – да как ты можешь…

– А что? – вновь натянув на лицо маску аристократической блонди, спросила девушка. – Он всё равно не угадал…

– Я просто ещё не собрал нужную информацию, – лениво ответил Борислав, кажется, даже наслаждаясь тем, что его не стремятся убить.

– Очень интересно… – продолжала осматривать свою копию Маша, то там, то здесь потыкав пальцем в живот, ущипнув пару раз за дымную кожу, а затем постучав костяшками по лбу. – Эластичность кожи не похожа, но всё равно… А может она лечь на парту и расставить ноги?

– Мария? – буквально взвизгнула уже алая, как перезревший помидор, Нина.

– Э-э-э… – протянул ошарашенный Борислав.

– Убью… – пообещала Дарья.

Я же, глядя на это, ощущал, как краснеют уши.

– И всё же, – внимательно посмотрела на серба Сердцезарова.

– Да там нет ничего! – взъярился было Борислав, но чаровница его перебила:

– Там нет ничего, потому что ты не проводил исследования или потому что не можешь повторить?

– О чём ты вообще с ним говоришь? – взорвалась вмиг осушившая слёзы Дарья. – Как вообще…

– Тихо! – рыкнула на девчонок Маша. – О вас, дурах и дураках, беспокоюсь!

Ответом ей было непонимающее молчание. А она тем временем продолжила пытать уже не знающего, куда свалить, Борислава.

– Так не можешь или никогда не видел?

– Что? – красный как варёный рак серб, похоже, хотел спрятаться от чаровницы за меня, а там тактически покинуть аудиторию.

– Вульву видел во всех подробностях?

– Чего?

– Писю вблизи разглядывал? – даже не покраснев, выдала Маша.

– Э-э-э… – с круглыми от удивления глазами выдавил Борислав, отступая под напором исследовательского азарта Машки, и, как-то жалобно глянув на меня, спросил: – Чего она?

– Понятно. Девственник! Блин… – пробормотала она себе под нос, а затем вновь набросилась на парня с расспросами: – Так можешь нормальные половые органы сделать?

– А-а-а… Зачем они им?

– Так можешь?

– Ну… наверное…

– Чего она к нему привязалась, Каменс… Бажов? – возмущённо шепнула мне пунцовая Дашка, как-то незаметно оказавшаяся рядом. – Да ещё на тему… Такую тему!

– А кто её знает, – пожал я плечами. – Первый раз её такой на людях вижу…

«Ну да, обычно “чаровничья-истерия” у неё наступала, когда мы в палате оставались одни… – подумал я, но озвучивать свои мысли не стал. – Первый раз, когда обнаружила у меня защитный имплант на груди, прикрывающий выход окаменевшей души. О нём, оказывается,

в документах как о простом вживлённом щитке говорилось. А второй раз, когда выписывать меня не хотела. Всё какую-нибудь болячку искала, только чтобы не выпускать на свободу…»

– И всё равно это неприлично!

– Неприлично это было несколько минут назад, ровно до тех пор, покуда она кукол Бориславa не увидела, – тихо хмыкнул я и тяжко вздохнул. – И они ей зачем-то понадобились. А в нынешнем состоянии – она уже не девушка, а чаровница, и запретных тем для неё не существует. Поверь, я под её присмотром после ранения в Сеченовке лечился…

– И зачем ей только такая стыдоба могла понадобиться… – продолжала тихо возмущаться Дарья, посверкивая глазами в сторону загнавшей серба в угол Сердцезаровой. – Могла бы поприличнее тему выбрать! Палец, например…

– Очень приличная тема…

– Тьфу на тебя! – зашипела, словно разорённая змея, Белоснежка. – Пошляк!

– …То есть если сконцентрируешься, то на одной копии разрез скальпелем будет идентичен настоящему, и она не развеется? – продолжала тем временем наседать на несчастного ленивца Машка. – А анатомию вообще хорошо знаешь?

– Ну, так… – стараясь не смотреть девушке в глаза, пробормотал тот, – на общем основании…

– Другими словами, практически не знаешь!

– Ну… э…

– А если узнаешь – повторить сможешь? – Машка, схватив за грудки, прижала парня к стенке, а глазищи у неё горели как костры. – Что у кукол внутри?

– Дым…

– А сделать так, чтобы внутренние органы были, можно?

– Если нужно…

– А чтобы кровь текла?

– Не пробовал…

– А не девочку, а мальчика?

– Тоже…

– Так, Борислав, немедленно убрал своё непотребство! – произнёс материализовавшийся рядом с нами Мистерион. – Седцезарова, опусти его.

– Но, наставник! – возмутилась было Маша, но сникла под взглядом масочника. – Это будет прорыв в чаровничестве! Мы должны немедленно…

– Всё потом… – нахмурился преподаватель. – Садитесь.

Мы быстро заняли свои места. Однако прежде чем подойти кафедре, Мистрион вынул что-то из-за пазухи и, подойдя к мемориальной доске, прикрепил нечто… оказавшееся портретом нашей Ленки. После чего, вернувшись на своё место, сказал:

– Сегодня в час дня, не приходя в сознание после ранения, умерла кадет-чародей первого курса…

У Нинки, сидевшей рядом со мной, из глаз потекли слёзы, а Маша с другой стороны просто прикрыла лицо ладонями. Не зная, что сделать ещё, я схватил их руками за плечи и притянул к себе.

– …Елена Леонидовна Суханова, – закончил принесённую страшную новость Мистерион и замолчал, а затем сказал явно официальную фразу: – Чародеи и Чаровники, прошу встать и почтить вместе со мной память усопшей.

Мы дружно поднялись.

– Поворот на образ! – командным голосом приказал наставник и, доживавшись, когда все развернутся в сторону вывешенного портрета, торжественным произнёс, как и мы, прижав кулак правой руки к сердцу: – Сегодня перед лицом Древа мы отдаём честь памяти Елены

Леонидовны Сухаревой, нашей боевой подруги, ушедшей за кольцо Уробороса. Более её нет с нами, но мы навсегда запомним её живой и счастливой. Клянусь!

– Клянусь! – дружно рявкнули мы в два мужских и три женских голоса.

Конечно, Дарья с Бориславом с нашей подругой даже и знакомы-то не были. Однако данный факт ничего не меняет, тем более что теперь один из них точно останется в шестьдесят первой руке.

– Объявляю минуту молчания… – медленно произнёс Мистерион, и в помещении наступила тишина.

Несмотря ни на что… в произошедшее как-то вовсе не верилось. Тем более что Маша говорила, будто физически она вроде как уже здорова, да и занимались девушкой, по её словам, видные специалисты, а ту же Машку не подпускали даже в качестве сестры милосердия. Больно тонкое ей требовалось обхождение, так что даже заботились настоящие чаровницы.

И тут такое! Не скажу, что казалось, будто она сейчас отворит дверь и, как обычно, смущённо улыбаясь, войдёт в аудиторию. Но всё же…

– Вольно… – произнёс наставник, выдержав положенное время. – Садитесь…

– Наставник. Господин Мистерион, – только-только присев, тут же вскочила Сердцезарова, хмуря изящные бровки. – Мне срочно нужно в мою Академию. Я обязана присутствовать на вскрытии!

– Ты уверена? – масочник внимательно посмотрел на неестественно бледную молодую чаровницу. – Твой куратор сказал, что это нежелательно…

– Это мой долг! – чуть срывающимся голосом выпалила Маша, и в этот момент я понял, что она отчаянно трусит, а потому просто взял в ладонь её сжатую в маленький крепкий кулачок ручку, чтобы хоть так её поддержать.

Девушка чуть вздрогнула при прикосновении, но, явно успокоившись, уже увереннее добавила:

– Я должна!

– Хорошо, – кивнул после нескольких секунд молчания Мистерион. – Бажов, отправляешься с ней резидентом от Академии. Паровик в вашем распоряжении, дождёшься результатов и не забудь забрать заверенные копии документов в двух экземплярах. Для канцелярии и в архив Ясеневой Палаты.

– Так точно, – произнёс я, поднимаясь и вслед за блондинкой направляясь к двери.

– Остальные в связи с обстоятельствами на сегодня свободны, – догнал нас голос наставника. – Прошу всех завтра быть в этом кабинете в восемь тридцать утра. Свободны…

До стоянки паровиков я добрался первым, в то время как Маша заскочила в представительство Княжеского Стола, где ей необходимо было получить какие-то бумаги, связанные с Леной. В детали я не вдавался, только получил карту-разрешение на использование служебного паровика и выписку, необходимую для получения бумаг, касающихся Лены, и, кивнув девушке, чтобы догоняла, отправился заказывать водителя.

Никогда не задумывался о том, что в парке Академии машин куда меньше, нежели боевых рук на первом курсе. Так, например, паровика, на котором мы обычно ездим на задание, на территории парковки я не нашёл, а значит, Иван сейчас занят с какой-то другой группой, и ехать нам придётся с незнакомым шофёром.

Подойдя к фонарному столбу, на котором был закреплён похожий на почтовый ящик приёмник, засунул до упора в скрытую под козырьком щель выданную мне перфокарту из плотного картона. После чего три раза с небольшим усилием прокрутил закреплённую на боку рукоять механического стартёра, покуда прибор не звякнул, словно самый настоящий будильник.

Никогда в точности не видел, как это на самом деле происходит, но вроде как сейчас в водительской должна сработать сингалка, а дежурный шофёр по информации, считанной с дырявой картонки, получить предписание на маршрут.

Собственно, появился он, а точнее, она спустя минуты три. Женщина лет сорока со слегка грубыми чертами лица, в таком же слегка мешковатом комбинезоне, какой постоянно носил наш Иван, держа в правой руке инструментую сумку, а левой зажимая подмышкой планшет.

Не сказать, чтобы незнакомка особо торопилась. Всё-таки вызов у нас был не максимальной срочности. Уточняя детали, ответственный клерк представительства Княжеского Стола успел связаться по экстренной телефонной линии с Машиной Академией и выяснил, что вскрытие тела Сухановой назначено на пять вечера. На часах сейчас не было и трёх.

Завидев меня, так и стоявшего возле аппарата, водительница быстрым шагом подошла и, представившись, представилась:

– Лоркина, Юлия Павловна, – она слегка улыбнулась. – Вы машину до Сеченовской Академии заказывали?

– Да, Бажов Антон Сергеевич. Шестьдесят первая рука, комиссар.

– Ну что ж, – кивнула женщина, быстренько карандашом записав мои данные в путевой формуляр. – Готовы ехать?

– Придётся подождать несколько минут, – ответил я. – Сейчас подойдёт наша чаровница. Её в столе задержали…

– Ничего, – ответила шофёр, – как раз котёл успеет разогреться.

В общем-то, машина Юлии ничем не отличалась от таковой, находящейся на попечении Ивана. Разве что кузов был выкрашен в тёмно-синий цвет, да в салоне как-то поуютнее.

Дожидаясь Машу, я присел на откидную лесенку, в то время как водительница, открыв капот, полезла в недра машины за ключом-стартёром, длинным изогнутым рычагом, который нужно было вставлять в специальный паз на бампере, а затем в три уверенных рывка активировала паровой котёл.

Машина чихнула пару раз, а затем мерно завибрировала, пыхнув облачками пара из труб.

– Вас обратно ждать? – спросила, захлопнув капот, женщина, стягивая с рук испачканные в чём-то вязаные перчатки и ловко надевая специальные с отрезанными пальцами.

– Честно говоря, не знаю даже, стоит ли держать машину, – вздохнул я. – Не представляю, как долго обычно длится процедура вскрытия…

– Товарищ на задании погиб? – нахмурилась водительница, открывая дверь водительской кабины.

– Да, – я поморщится. – Ранение подруга получила где-то около трёх недель назад, и так, не приходя в сознание…

– Соболезную, – фальши в голосе этой Юлии Павловны я как-то не почувствовал.

Неформальная фраза… Ей, как мне показалось, реально было жаль неизвестную ей девочку. Впрочем, в душу женщина лезть не стала, а вместо этого просветила меня, что да как.

– Знаешь, парень, – произнесла она, – я-то тебя в любом случае дождусь. А на будущее запомни, хотя надеюсь, что не пригодится. Если бы аутопсию проводили в клинике для неодарённых медики обычными хирургическими методами, бывает такое, когда нет необходимости исследовать энергетическое ядро. Тогда да, лучше машину отпустить, потому как ещё неизвестно, насколько это затянется и как долго потом ждать расшифровки результатов. Если чаровники за дело берутся, то всё обычно очень быстро происходит, час-два не дольше.

– А вы разбираетесь?

– Ну… – грустно усмехнулась женщина. – Не всю же жизнь я баранку крутила… По молодости были совсем другие мечты и амбиции.

– А это ничего, что задержитесь?

– Нормально всё, – отмахнулась водительница и полезла внутрь кабины, как и я, заметив бегущую в нашу сторону Машу, сжимавшую в руках ярко-красную жёсткую папку. – Мы же не такси, в конце-то концов, у нас бронь сразу минимум на шесть часов идёт, мало ли по каким важным делам едем.

* * *

Насколько Сеченовка отличается от нашей Тимирязевки, я прочувствовал, ещё когда сам валялся пациентом палаты госпитального этажа одного из спаренных небоскрёбов, которые занимала Академия чаровников. Впрочем, видел я тогда не так уж и много. Палату да технические коридоры, по которым меня привезли туда на каталке прямиком из чрева паровика эвакуационной службы. А обратно выкатили на кресле, чтобы запихнуть уже в нашу академическую машину и доставить в родной медицинский корпус. Пусть и чисто для профилактики.

Сейчас же, проводив Машу, я имел возможность хоть немного понаблюдать за тем, как вообще живут и учатся студенты другого чародейского учреждения и, естественно, сравнить с нашими условиями.

В прозекторскую меня, конечно, никто не пустил. А вот в остальном ограничивать не стали, попросили разве что не заходить туда, куда нельзя, а так, приколов специальный значок с рамкой, в которую был вставлен небольшой листик бумаги с моим именем, я вполне мог побродить по общественным зонам.

Тем более что Машка обещала сама подготовить нужные бумаги в требуемом количестве, а найти меня благодаря выданному значку не составит никаких проблем.

Что я могу сказать – у нас определённо лучше. Хотя бы потому, что вокруг Тимирязевки столь непривычная для Москвы живая природа. А с другой стороны, сравнивать всё же было трудновато. Небоскрёбы, вся жизнь в которых происходит во внутренних помещениях, пусть там и были обустроены зелёные рекреационные зоны и фонтанчики с водопадами, очень уже сильно отличались от, ставших привычными, двух- и трёхэтажных корпусов и огромных полигонов. А вот интерьеры здесь были… изысканнее, что ли. И уж точно современнее наших коридоров и аудиторий.

Ну и, конечно же, студенты… Слушая, особенно поначалу, разглагольствования Сердцезаровой, можно было подумать, что она бахвалится своей учебной нагрузкой, ну, или изо всех сил старается показать, что мы в Тимирязевке те ещё неучи-лоботрясы. Но вот находясь здесь, в оплоте чаровников, я почти сразу же ощутил разницу в самой атмосфере наших учебных заведений.

Здесь, как и у нас, были и девчонки-хохотушки, стайками щебетавшие о чём-то своём и порой кидавшие на меня заинтересованные взгляды. Вот только у нас редко можно было увидеть, чтобы подобные красавицы прижимали к своим роскошным грудям явно тяжёлые и умные книги. Да и громко галдящие парни, компаниями кучкующиеся у окон или на диванчиках и удивлённо замолкавшие при моём появлении, обсуждали вовсе не оружие, техники и способы уничтожения противников, а сыпали медицинским терминами или сравнивали какие-то ланцеты со скальпелями и спорили про рассечение плоти при помощи живицы.

Ну а явные одиночки не пропадали по полигонам, оттачивая своё мастерство, а сидели по углам и за столиками, то обложившись каким-то бумагами, то уткнувшись в книги со скупыми обложками, отрешившись от всего прочего.

Ну и, естественно, я в своей чёрной форме явно выделялся среди сеченовцев, носивших в большинстве своём светло-голубые и нежно-зелёные мундиры и костюмы, словно ворон среди стаи голубей. Так что меня сразу же замечали, где бы я ни появился. С интересом пытались рассмотреть шеврон академии и факультета, а затем начинали о чём-то шептаться. Хотя я бы

не сказал, что, напрягая живицу в ушах, услышал что-то обидное. Просто многим, а особенно девушкам было интересно, кто этот «боевик», и, естественно, что «он» здесь делает.

Забавно… С Кремлёвского концерта запомнилось почему-то, как в зале довольно агрессивно реагировали друг на друга представители школ при разных Академиях. А вот сейчас, чуть меньше года спустя, я как-то не чувствовал к себе особого негатива.

Хотя, возможно, дело было в том, что тогда «жизнюки» были, можно сказать, монолитом, готовым противостоять другим школьникам, а сейчас я находился в Академических помещениях и мне постоянно встречались студенты, носящие то деревце одного из наших факультетов, то символы стихий морозовцев, то эмблемы сахаровцев.

– Антон? – услышал я вроде бы знакомый голос. – Каменский, ты, что ль?

Обернувшись, я увидел довольно пухлого паренька в компании ещё трёх парней, носящих на рукавах пустые «яшмовые» шевроны одного из сахаровских факультетов.

– Э… – Парня я точно где-то видел, но вот так, чтобы вспомнить сразу…

– Это я, Егор Юдинцев! – попробовал он ещё раз. – В параллельном в прошлом году учился!

– О! Теперь вспомнил! – улыбнулся я.

Действительно. Не то чтобы мы общались или водили знакомство, но пересекались в коридорах.

– А я смотрю, идёшь! Ты или не ты, сразу не пойму, а как глаза увидел… – воскликнул он, спрыгивая с подоконника, на котором до этого восседал и, подходя ко мне и пожимая протянутую руку. – Ребят! Знакомьтесь! Антон Каменский, самый безбашеный берсерк Тимирязевки моего Школьного выпуска! Мало того что долбит взрывами так, что мало никому не покажется, так ещё и главный сердцеед школы!

– Ну, это ты, конечно, загнул… – улыбнулся я, по очереди пожимая руки представившимся парням. – Да и в остальном устаревшие сведенья…

– В смысле? – удивился Егор. – Ещё скажи, что не ты первую школьную красавицу соблазнил!

– Ты про Уткину, что ль?

– Ну так! – фыркнул парень. – Про неё, конечно! У нас полкласса по ней пару лет страдало, а ты пришёл, раз – и она твоя!

– Да ерунда всё это, – отмахнулся я. – Подумаешь, в пару на выходе в Кремль один раз встали.

– Ну-ну…

– Я, кстати, не Каменский теперь, а Бажов, – добавил я, ткнув большим пальцем за спину, и слегка повернулся, чтобы было видно тамгу.

– О, в клане теперь значит, – важно покивал Юдинцев. – Круто… А говоришь, не сердцеед…

Ну, что бы он там себе ни напридумывал, переубеждать я не стал, а постарался сменить тему.

– Не знал, что ты в чаровники пошёл, – покачал я головой.

«Ну, не признаваться же тебе, что я даже имени твоего до сегодняшнего дня не слышал…» – подумал я.

– Тык… Куда ж мне ещё, – пожал пухляк плечами. – Я ж тоже из простецов, аспект не то чтобы боевой, да и по конституции не боец. Я тебе так скажу, ничуть не жалею, что на экзамен в лес не стал подписываться. Вот, теперь с группой безродных работаю.

– Главное, чтобы нравилось… – обтекаемо ответил я. – А так – каждому своё…

– Это точно! – поддакнул один из его приятелей, назвавшийся Андреем.

– Ну, – помялся парень и признался: – На первых выходах, честно сказать, даже жалел немного, что поддался на уговоры и вообще в кудесники не пошёл… А потом втянулся.

– Слушай, а правда, что вас, «деревяшек», в самое мясо бросают? – с интересом спросил меня другой сеченовец, имя которого я даже запоминать не стал.

– Да как-то сравнивать не приходилось, – пожал я плечами, отметив, как, оказывается, нас, тимирязевских, здесь называют.

– А сам-то здесь как? – вновь задал вопрос Егор.

– Да… чаровницу нашу с занятий как сопровождающий резидент в прозекторскую на вскрытие привёз, – поморщился я. – У нас одногруппница погибла… вот… Теперь жду результатов.

– М-да… Хорошо всё-таки, что меня к «безродным» распределили, – крякнул четвёртый приятель Юдинцева. – Без обид! Но у нас только и слухов за эти месяцы, что то у вас, то у морозовцев потери…

– У Самойлова в группе тоже один…

– Да там сам на штырь в темноте налетел, – отмахнулся парень, который назвался Андреем. – Довыпендривался парень, вот и сверзился в темноте с полусгнившей лестницы. Там полное «моменто море» виском на арматурину тридцати сантиметров. Ванька жаловался, что совсем неадекватный парень был.

– Слушай, Антон, – вновь вернулся к теме пухлый. – А кто у тебя из наших-то? Чаровников, в смысле…

– Маша Сердцезарова, а что?

– А… мужик! – наигранно взвыл Юдинцев. – Ты теперь прямо-таки мой герой…

– В смысле…

– Да все самые красивые девчонки твои…

– Завязывай придуриваться, – ткнул кулаком пухляка один из его друзей. – Та ж ещё стерва! Да и… г-хм…

– Так, народ, – остановил я разгорающееся бурное обсуждение достоинств и недостатков моей одногруппницы. – Вы сейчас шибко заняты?

– Да нет, – помотал головой Андрей, – допу Ос-Об-З прогуливаем… а что?

– Что есть Ос-Об-З? – поинтересовался я.

– Основы общей защиты, – ответил мне Егор. – Грубо говоря, как дать в морду, не сломав кулак, и не получить в ответ, вовремя заслонившись боевиком. У нас сегодня дополнительное занятие, а на нём свободное посещение.

– А смысл? – удивился я. – Чаровнику же подобное полезно…

– Эм… Антон, – поморщился самый молчаливый друг Юдинцева. – Мне, например, сегодня по полёвке ещё шестистраничный доклад писать на тему: «Травматический срыв эпидермиса на менее чем десяти процентах человеческого тела эгоистичной живицей стихии Земля и способы временного купирования последствий подобной травмы в полевых условиях для сохранения частичного функционала одарённого во время боя». И к другим урокам готовиться. А когда ты мне прикажешь отдыхать? Не, это не так трудно, конечно, но всё же…

– Понял, – я поднял руки ладонями вперед. – Молчу. Я что спросить хотел, столовая у вас есть? А то я сегодня только завтракал… да и то давно. Хотел предложить вместе пройтись.

– А, ну это дело, – кивнул Юдинцев, и компания, подхватив свои пожитки, повела меня в святая святых любого учебного заведения.

Третья столовая, а всего их, как я понял, в башнях Севеновки четыре штуки, оказалась просторным и светлым помещением округлой формы, в котором за столами народ скорее занимался своими делами, чем употреблял пищу. К моему удивлению, ребята повели меня сразу же к раздаточной, не дав свернуть к кассам.

– Тимирязевская Академия? – несколько противным голосом спросила толстая тётка за стойкой.

– Да.

– Факультет…

– Ясеневый, – слегка охреневая от вопросов, ответил я.

– Рука, имя, фамилия, – прогундосила она, доставая откуда-то толстую амбарную книгу.

– Шестьдесят первая, Бажов Антон…

– Так-так-так, – пробубнила женщина, возя пальцем по строчкам. – Есть такой. Лю-да, усиленный седьмой на двенадцатый стол!

После чего выложила передо мной деревянный жетон с вырезанным на нём номером двенадцать.

– Идите занимайте место и ждите!

Уже позже мне, слегка обалдевшему и жующему большой кусок хорошо прожаренного мяса с картошкой и укропчиком, и заедающему всё это шикарнейшим салатом из овощей, заправленных непонятно чем, но идеально подходящим к основному блюду, посмеивающиеся сеченцевы рассказали, что это было. Оказывается, установленная для меня диета, нацеленная на рост мышечной массы и усиленную выработку живицы, есть творчество нашей Сердцезаровой. Причём не личная инициатива, а так у них в Сеченовке положено на промежуточных работах: в течение года, в зависимости от состояния обследуемых, задавать определённые типы питания для членов своей руки.

И если лечить нормированием пищи человека ни от чего не надо, то после консультации с коллегами из Академии, в которой проходит обучение группа, выбирается оптимальный для бойца рацион.

Предполагается, что участники боевой группы чаровника всегда могут посетить его на месте обучения. Не каждый день, разумеется, но «иногда» и за счёт альма-матер. А «свободные» кассы открыты для тех студентов Академии, кто просто хочет в комфорте и удобстве занять место в столовой и, попивая, например, чай или другой напиток, позаниматься учебными делами.

– А пошли на «медицинский буйт» посмотришь! – предложил Юдинцев, когда я расправился с выписанным мне Машкой обедом.

– Что это? – спросил я вполне индифферентно, потому как усиленная порция была явно перебором для моего маленького желудка.

– О… такого ты у себя в Академии не увидишь! – воскликнул парень, и меня вновь потащили куда-то по этажам и переходам.

Медицинский буйт оказался довольно-таки странно игрой… в которой я, честно говоря, не понял ровным счётом ничего. Два игрока с завязанными глазами входили в пятиугольную спортивную коробку, где пол был сделан изо льда, и водили перед собой светящимися розовым руками в попытке дотронуться до противника.

В то же время за барьером остальные пять человек из команды наколдовывали специальными чарами по светящемуся шарику, которые летали вокруг и периодически жалили противника электрическими разрядами. Задачей было первым найти конкурента и коснуться его рукой.

Прозвенел звонок – и на лёд с помощью товарищей по командам вышли парни с плотными повязками красного и синего цвета, гарантированно блокирующими зрение. Причём их, словно дуэлянтов, поставили спинами друг к другу, после чего посторонние покинули коробку. Раздался свисток судьи, и стоящие за оградой ребята, быстро сложив ручные печати, выпустили светящиеся шарики также двух колеров: красные и синие.

Одновременно с этим парни на льду резко, но плавно развернулись на сто восемьдесят градусов и почти одновременно скользнули в стороны. Причём один чуть было не упал, но сумел удержать равновесие и, приняв высокую стойку со светящимися ладонями, чуть выставленными вперёд, начал водить ими из стороны в сторону, будто сканируя пространство вокруг.

Второй поступал похожим образом, а в то же самое время управляемые остальными членами команд шарики живицы устроили в воздухе над их головами грандиозное сражение. Часть атаковала представителя команды противников, пуская в людей на льду короткие электрические молнии, остальные пытались защитить от попаданий своего игрока, блокируя разряды летающим светляком. Причём при попадании чары разрушались, и заклинателю приходилось быстро выпускать новый шарик, который немедленно вступал в воздушную битву.

Прошло, пожалуй, несколько минут, прежде чем разряд одного из красных шариков достал-таки игрока противника, и, судя по всему, разряд оказался достаточно болезненным, потому как парень тихо зашипел. Его противник среагировал практически мгновенно, оттолкнувшись и бесшумно скользнув по льду в сторону звука. Вот только его визави вовсе не стоял на месте, также решив переместиться, вследствие чего парни оказались спина к спине в тот момент, когда молния синего шарика нашла свою цель.

«Красный» приглушённо охнул и практически тут же был сбит на лёд красивой длинной подсечкой противника, которую тот выполнил с глубоким приседанием и хотел уже броситься на упавшего, но парень ловко извернулся и пнул противника ногами, мало того что отбросив его, так ещё и сам кувырнувшись и вновь приняв стойку.

Правда, тянуть с дальнейшим нападением не стал и в свою очередь попробовал достать рукой всё ещё не нашедшего опору «синего», однако, получив разряд от пролетавшего мимо шарика, притормозил и тут же попался ногами в «ножницы», которые лихо исполнил его визави, в результате чего рухнул спиной на лёд, громко чертыхнувшись. Его противник тут же среагировал и, перекувырнувшись, мгновенно хлопнул упавшего светящейся ладонью по груди, отчего «красного», похоже, серьёзно парализовало.

– Очко синей команде! – тут же выкрикнула девушка-судья. – Следующая пара…

Дальше я, честно говоря, слегка потерял интерес к происходящему и за барахтаньями слепцов на скользком льду особо не следил. Смысл тратить своё время на подобные странные игры был мне не очень понятен, учитывая, что даже тот же «воздушный мяч» куда интереснее.

Впрочем, народ активно болел за команды, благо, как я понял, звуковой барьер площадки не пропускал крики, свист и вопли разочарования, меня же от многочисленных «ну как тебе?», «здорово, да?» и прочих расспросов очень вовремя спасла подошедшая Маша.

– Так и думала, что ты «буйт» пойдёшь смотреть… – вяло улыбнулась бледная и явно уставшая девушка.

– Да вон, знакомого встретил, – кивнул я головой в сторону яростно орущего что-то у бортика коробки Юдинцева. – Вместе учились, а потом он к вам поступил. Они с приятелями и притащили меня сюда.

– Понятно… – Маша рассеянно кивнула. – Вот папка с документами…

– Ты вообще сама-то как? – видя, что подруга слегка не в себе, участливо поинтересовался я.

– Тяжело, – отмахнулась она. – Но держусь. Хоть и была у нас уже практика по аутопсии, но это всё же не то. Одно дело – наблюдать, как какого-то незнакомого бродягу режут, а другое…

Девушка замолчала и, сделав шаг вперёд, на несколько долгих секунд уткнулась в мою грудь своим высоким чистым лбом, а затем, вздохнув, отстранилась.

– Так, всё, я в порядке… – произнесла она и, зажмурившись, слегка помотала головой. – Я справлюсь… Должна…

– Что хоть с ней случилось?

– У Лены, как и у большинства чародеев со стихией смерти, были определённые проблемы с некоторыми внутренними органами. В частности, слабое сердце, и именно в эту область пришёлся сильный удар… – ответила Маша. – Я её тогда стабилизировала, ткани мы залечили, а вот начавшегося утром взрывного тромбоза энергоканала в этой области никто

не ожидал. Больше опасений вызывали отростки в голове, а тут… Скорее всего, живица сильного взрослого чародея, выплеснутая при ударе, как-то на него повлияла. В результате прорыв стенки канала с выплеском неочищенной некроэнергии прямо на сердечную мышцу… Мгновенная деградация и умерщвление тканей…

Девушка всхлипнула…

– А ведь я её утром проверяла… – произнесла она, уже с трудом выговаривая слова.

Не обращая внимания на окружающих, я притянул чаровницу к себе, и та зарыдала, уткнувшись носом в мою грудь, сминая в кулачках ткань мундира. К удивлению, отчего сеченовцы очень сильно поднялись в моих глазах, никто не стал пялиться или комментировать эту сцену. Матч остановили, а народ сделал вид, будто ничего такого не происходит. Всё, как должно…

Наконец, Маша слегка успокоилась, отлипла от меня и, приняв один из вложенных мне в карман Алёнкой платков, звонко высморкалась.

– Может быть, тебя проводить?

– Нет… Спасибо… – покачала девушка головой. – Не надо, я с подругами…

И действительно. Неподалёку обнаружилась стайка девушек со стилизованным деревом моего факультета на шевронах.

– Ты это, – промямлила Маша. – Домой давай. А то поздно уже. Сам до парковки доберёшься… Ой, тебе, наверное, машину нужно выписать?

– Да нет, – мягко улыбнулся я. – Всё нормально. Меня наш академический паровик ждёт.

– Тогда я пойду…

– Да, давай! – кивнул я. – До завтра.

– Угу… – совершенно, как некогда Лена, ответила мне Сердцезарова и, окружённая подругами, быстро исчезла в одном из коридоров.

Я же, в полной тишине пожав руки знакомым сеченовцам, отправился на парковку.

Глава 5

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка «Политехническая выставка» … – чрез шипение и потрескивание старой аппаратуры донеслась из раструбов динамиков фраза, зачитанная глубоким грудным женским голосом.

– Когда я была маленькая, всегда думала, что это говорят специально натренированные лилипы, – улыбнулась своим воспоминаниям Нина. – Я их себе всегда представляла в аккуратненьких костюмчиках и платьицах. Ну, как в сказках у Кончинского. Даже упросила маму купить мне одного. Правда, она меня обманула и принесла вместо лилипа гарантийной породы обычного лабораторного, а он оказался жутко ленивым, глупым и всё время рвал одёжку, которую шили для него няньки. А я всё равно верила и пыталась следить за ним, когда он меня не видел!

– Бедное животное… – фыркнул Никита. – Надеюсь, он недолго мучился?

– Вот ещё! – состроила обиженную мордашку красноволосая. – Кузя живее всех живых! Пусть он уже старенький и живёт у сестрёнки в доставшемся от меня по наследству кукольном коттедже Варвары…

– Ой, у тебя тоже Варька была? – тут же среагировала Машка, как-то само собой за недели, пришедшие со дня смерти Лены, успевшая вписаться в нашу компанию и обвыкнуться настолько, что не пригласить её с собой в Политех было бы настоящим свинством. – А какая?

– Марьюшка и Катенька, – гордо ответила Ефимова. – До сих пор сохранились! Правда, им Кузьмище все волосы уже выдрал… Они, видимо, лысыми ему больше нравятся.

– А у меня Вера и Надя. Я хотела ещё Любу для комплекта, но папа тогда сказал, что мне уже десять и я слишком взрослая, чтобы в Варварок играть, – задумчиво глядя в окно, произнесла Сердцезарова. – Алис, а у тебя…

– Генриетта и Андре. Это варианты Варварок из Лондона и Парижа. Мне их старший брат на аукционе у Перевозчиков купил на шестилетие, – величественно ответила Уткина, а потом тяжело вздохнула и призналась: – Вот только папа, когда узнал, сколько брат денег потратил, мне играть с ними запретил. Съездил в тот же день в ЦУМ и купил нашу Марьюшку, а те две так до сих пор нераспакованные в хранилище стоят.

– Ой! А они какие хоть? – тут же набросились на Уткину девушки, и даже Хельга подалась вперёд, явно демонстрируя интерес.

– Генриетта – англичанка с естественными для них фиолетовыми волосам со стрижкой каре и с увеличенной грудью. У неё ещё забавный брак на лбу, похожий на шрам-молнию, и круглые очки. А Андре – рыженькая парижанка с короткой стрижкой, веснушчатая и с первым размером, – выдала Уткина с обычным для неё непроницаемым лицом, но было видно, что тема ей до сих пор интересна.

– А у меня есть вся московская серия… – тихо пробормотала Хельга, вот только девушки её не услышали, обсуждая то, какие «настоящие», «качественные» костюмы шли в комплекте с их Варварами.

Ну да, видел я мельком «игровую» комнату Громовой, когда ходил к ней в гости, и чего только там не было, вот только не похоже, что сама девочка рада подобной клановой щедрости. Трудно поверить, но в этом крупном чародейском роду младшую дочку главы, с одной стороны, как и любого одарённого ребёнка, постоянно мотивировали становиться сильнее, дабы не уронить честь клана, и загружали тренировками. А с другой – ограждали от прикладных чародейских дисциплин, ругали, развивая комплекс неполноценности, и при этом задаривали неинтересными и ненужными ей девчачьими игрушками.

Что хотели из неё вырастить, я так и не понял. Забавно сказать, первым личным оружием маленькой клановой княжны оказался подаренный мною боевой нож, с которым она теперь не расставалась.

«М-да, знакомые девочки в моём детстве, в том числе и в приюте, тоже о “Варварках” мечтали, – подумалось мне под увлечённое чирикание подруг. – Это, насколько я помню, жутко дорогие куклы из пластика с гнущимися руками и ногами. Вроде под тридцать сантиметров в высоту…»

– Меня одного интересует вопрос, – прошептал я на ухо Ульриху, – каким это образом наследница клана в детстве умудрилась покататься на общественных паровиках?

– Да кто её знает, – ответил Ульрих, слегка разведя руками, словно показывая, что в курсе дел Ефимовых могут быть только Ефимовы.

– Всё просто, Бажов, – ответил вместо него Никита. – Она ездила на тех паровиках, что ходят по брильянтовым дорогам. На пятом уровне довольно много закрытых зон, куда доступ на личном транспорте либо просто запрещён, либо ограничен, например, во время праздничных мероприятий. От этой машины они отличаются разве что повышенным комфортом в салоне и годом производства.

В этот момент наш паровик вырулил на 1-вую Мещанскую третьего уровня, впрочем, она здесь была верхней и, проехав до приметной гостиницы «Астралѣ», высоченного дома, занимающего сразу третий и четвёртый уровень и выстроенного полукругом вокруг небольшого парка, свернул возле Музея Дендронавтов прямо к главными воротами Московской Политехнической Выставки.

Естественно, мы, как и многие другие пассажиры, буквально прилипли к стёклам салона, во все глаза рассматривая венчающий вход монументальный памятник. Этакую высоченную каменную «экспоненту», чёткие линии которой, устремляясь в небеса, превращались во второй трети в искусно выточенную из мрамора ветвь неведомого дерева. Вроде как, её же, вечно цветущую и ни капли не увядшую, вполне можно было увидеть, посетив выставку. Как, впрочем, и многие другие находки, которые принесли с собой отважные московские чародеи-первопроходцы, впервые в истории Ойкумены проникшие через стихийный разлом на другой план и сумевшие вернуться обратно.

Это сейчас, когда в Полисе был организован целый университет, занимающийся вопросами стихиальных планов, известно, что группе, преследовавшей израненную и убегавшую аватару стихии дерева, просто повезло, что мир за гранью оказался пригоден для обитания людей. Во всяком случае, там имелись и воздух, и вода, да и сама эта первостихия, хоть и оставалась необычайно опасной, не была столь уж агрессивной, как, например, «огонь», «жизнь» или «смерть».

Впрочем, как бы то ни было, посетить этот музей сегодня всё равно бы не получилось. Нинка, когда мы ещё только планировали, куда, собственно, пойдём, выяснила, что экспозиция вот уже полтора года как «временно» закрыта для посещения из-за проблем между Княжеским Столом и кланом Останкиных, собственниками территории, на которой располагалась здание.

Если я правильно понял, хозяева после ликвидации того прорыва и возвращения дендронавтов пошли Полису навстречу, разрешив разместить на этом участке временное культурно-памятное сооружение. Ну а Княжеский Стол понял всё по-своему, отгрохав очень даже капитальный комплекс, за посещение которого со временем стали требовать деньги. Тогда-то хозяева и возбудились, потребовав либо поделиться доходами, либо освободить территорию.

Причём, так как изначально договора ренты заключено не было, а перенос музея оказался невозможен, ибо это сильно бы ударило по репутации администрации полиса, подобный шаг, следуя древнему правилу: всё, что больше десяти лет находится на территории клана и приносит ему регулярный доход является собственностью клана, – фактически означал частичную, а то и полную передачу собственности на бесценные артефакты из иного плана.

А вообще, исторически все эти земли принадлежали клану Останкиных, застолбившему в своё время огромные территории в стороне от основного скопления клановых крепостиц, ставших позже центром полиса. В общем-то, как говорится в учебниках истории, Демьян Хитрейший Останкин, будучи ближником Святогора Тимирязева, просто повторил его финт ушами, якобы поселив свой клан подальше от остальных. По всем документам в будущем полисе, а между тем довольно далеко от его первоначальных защитных рубежей.

При этом если люди клана Тимирязевых вполне могли позволить себе проживать обособленно, даже отпустив своего сильнейшего чародея и главу княжить над будущим полисом, демонстрируя всем силу и могущество, то Демьян поступил иначе. Просто посадил своих родичей на шею вассальному клану Ухарёвых, и те лет двести являлись, по сути, гостями в собственной крепостице, а затем и в клановом районе. Ровно до тех пор, пока постоянно расширяющиеся границы полиса не поглотили, наконец, захваченные Останкиными земли.

Вот только в отличие от Тимирязевых защитить плоды столь хитрого «плана предков» Останкины в итоге так и не смогли. Фигуры столь же значимой, как Демьян Хитрющий в их рядах больше не появилось, да и вообще, уже через три столетия клан откровенно захирел, существуя в основном за счёт того, что сдавал свои земли в аренду более мелким игрокам.

Как итог, испугавшись быстрого и жестокого уничтожения своих бывших патронов Тимирязевых, последние Останкины просто продали за жалкие копейки почти девяносто девять процентов своих земель Княжескому Столу. Оставив себе только потерявший былую роскошь небоскрёб, который тёмным пятном торчал чуть в стороне от развёрнутой здесь Политехнической Выставки, да несколько небольших наделов, которые, видимо, надеялись, позже выгодно пустить с молотка или как-то по-другому пустить в дело.

Вот только кто-то из чиновников того времени, как обычно, решил, что считаться с пусть древним, но обедневшим и растерявшим могущество кланом, неспособным позаботиться даже о своём небоскрёбе, быстро превращавшемся в опасные развалины, не имеет особого смысла.

Потому и вышел очень некрасивый конфликт за Музей Дендронафтов, благодаря которому оставшиеся крохи репутации клана Останкиных были не просто разрушены, а буквально втоптаны в грязь. Ведь обывателями, особенно из простецов, не объяснить, что приставки к названию клана «древний» и «великий» вовсе не означают «богатый» и «процветающий». Логика простая: есть собственный небоскрёб – значит, денег куры не клюют! Могли бы ради Полиса не скупиться! А если такие бедные – так продайте свой многоэтажный домик и вообще живите по средствам!

И ведь таким не объяснишь, что небоскрёбы как клановые вотчины просто так не покупаются и не продаются, а потерять его для такой семьи, как Останкины, равносильно окончательному приговору. В общем, общественное мнение, сформированное через газеты противоположенной стороной конфликта, не столько способствовало его разрешению, сколько наоборот заставляло последних Останкиных идти на принцип и упираться всеми четырьмя лапами, требуя справедливости.

– Красота… – восхищённо выдохнула Нинка, разглядывая из окна массивный, увешанный флагами полиса главный вход, выполненный в виде огромной Триумфальной Арки с несколькими рядами колонн в три человеческих обхвата. – А где «Чародей и Чаровница»?

– Так они там – дальше, – Ульрих махнул рукой, указывая куда-то на север. – Вон, видишь?

Действительно, если присмотреться, за кронами одетых в золото деревьев можно было по вырывающимся с поднятых рук скульптурной композиции всполохам пламени примерно угадать её месторасположение. Не знаю, легенда это или нет, но вроде как изначально этот знаменитый памятник создавался как подарок Парижа и его королевы в честь заключения между нашими полисами вечного мира и изначально назывался «Москвич и парижанка», а прообразами выступили лично наш князь и его иностранная коллега.

Для того чтобы доставить эту громадину даже наняли в пользование целый локомотив у перевозчиков. Впрочем, «вечность» так и не наступила, как и королева Парижа не стала бабушкой Ольги Васильевны. Очень оперативно подсуетились берлинцы и лондонцы, сорвав подписание этого бесполезного, но очень символического, за исключением династического брака, соглашения, а «Чародей и чаровница» так и остались в Москве, став ещё одним из её символов.

Общественный паровик пыхнул и, медленно подъехав к навесу остановки, как-то нехотя открыл двери, выпуская приготовившуюся сходить толпу из чрева своего кузова. Оказавшись на улице, я глубоко и с наслаждением вдохнул холодный и вкусный воздух поздней осени – со всей красотой до сих пор не облетевших деревьев и теплом неожиданно хорошей погоды, выдавшейся в череде дождливых дней.

Пожалуй, Политехническая Выставка, как и прилегающий к ней Великий Княжеский Ботанический Сад, были даже более уникальны, нежели наша родная Академия. Располагались они на огромной открытой платформе третьего уровня, значительно выше Тимирязевки, и если там оставался просто кусочек «дикой» природы с учебными корпусами и коттеджами для отдыха толстосумов, то здесь ландшафт был истинным шедевром, созданным человеческими руками.

Казалось, даже в эту осеннюю пору каждому дереву не только указывали позолотить ли листву, стать рыжим или окраситься в алый цвет, но и как и когда её скидывать, дабы аллеи и сады вокруг павильонов и аттракционов не теряли привлекательности.

А ещё – ещё на выставке были фонтаны, один из которых, как рассказала ещё в Академии захлёбывавшаяся извергаемой информацией Нинка, был даром моего клана Полису, который они сделали после присоединения. Так называемый «Каменный цветок». Естественно, меня уже сейчас, только-только спустившегося с откидных ступеней паровика, тянуло вглубь экспозиции посмотреть на это подаренное предками Москве чудо!

– Нам туда, – Уткина показала в сторону здания, расположенного полукругом у входной арки и являющегося частью ограды, где располагались красиво оформленные витринные стёкла с вывеской «Касса» над ними.

– Но у нас же билеты куплены, – возразил ей Ульрих.

– Их нужно ещё получить, – терпеливо ответила девушка. – У нас пока просто бронь на посещение в течение ближайшей недели…

– Наверное, толкаться там всем вместе особого смысла нет? – предположил я, рассматривая очередь, постепенно втягивающуюся в открытые двери помещения с кассами. – Давайте, я с кем-нибудь… У кого документы? Вот – с Алисой пойдём, разберёмся с билетами, а вы пока здесь погуляйте. Встретимся через пятнадцать минут перед входом.

Собственно, так и сделали, мы с Уткиной пристроились в хвосте, хотя, по её словам, как чародеи могли бы пройти без очереди, но я посчитал, что это как-то некультурно. Быстренько и без проблем обменяли банковскую бронь на вожделенные красивые бумажки, а заодно немного разговорились.

В первую очередь, конечно же, Алиса просветила меня в том, как работает подобная система удалённого заказа. А то я как-то совсем в погоне за статусом чародея отстал от жизни… ну, или так и не догнал её вследствие того, что подобная практика появилась довольно давно. Причём пример Политехнической Выставки был очень даже показателен, потому как попасть сюда действительно непросто. Ведь решающим фактором была даже не цена на билеты, хотя она и кусалась, так что жители второго уровня порой просто не могли позволить себе приобщиться к новейшим достижениям науки и культуры.

Всё дело было в том, что Княжеский Стол просто-напросто ограничивал общее количество человек, которые могли посетить её в один день. Не жёстко, конечно, не так чтобы из пришедшей развлечься компании двое прошли, а отельных завернули, но достаточно, чтобы избежать чрезмерных наплывов в одни дни и простоев в работе без посетителей в другие.

Вариантов же получить билетик было три. Приехать сюда и лично купить его в кассе на первый же свободный день, причём, так как оформление шло в порядке живой очереди, это могло быть как ближайшее воскресенье, так и какая-нибудь среда через три месяца. Проделать то же самое через курьера местного отделения Полисного Почтамта, и тут уж вообще, как его отправят, и как ему повезёт, но зато не нужно никуда ехать, и билеты тебе лично в руки передаст почтальон или местный городовой, кому как будет удобно.

Ну и третий вариант «для небедных и очень занятых» – купить банковскую бронь в любом из коммерческих или в княжеском банке Москвы. Услуга в случае с Политехнической Выставкой, позволяющая ввинтиться вне очереди в любой день из обозначенного тобою временного промежутка либо в конкретное удобное время. В этом случае поверенный берёт на себя заботу о внесении номеров брони в особые списки посетителей, а клиент может спокойно заниматься своими делами, не беспокоясь о пустяках.

Собственно, так же можно быстро и удобно сделать заказ на практически любую интересующую услугу на территории Полиса. Кстати, прямо из наших факультетских палат, благо внештатный сотрудник банка «Гаврилов и сыновья» постоянно дежурит в Ясеневых палатах и, оказывается, занимается, в том числе, и такими вопросами.

Кстати, забавно… Но казначеем, пусть покуда и временным, в нашей обновлённой руке вызвался стать Борислав! В то время как Даша, оказывается, и в прошлой своей команде была оружейником, так что и у нас не осталась без дела, к тому же узнав про то, что я притащил откуда-то «непонятный древний арбалет», в ультимативной форме потребовала его на освидетельствование.

Тут, хоть и не хотелось, а пришлось уступить… Это меч и ножи, и прочее – личное оружие, я могу никому не показывать и вообще посылать всех любопытных на три задорные буквы. А вот «стреломётный станок» – вещь, которая по той или иной причине может оказаться в руках у любого другого члена руки, и если она имеет какие-то «странности» в использовании или повреждена неумелым владельцем, то лучше её вообще не трогать. А определить это и разрешить либо запретить использование имеет право только оружейник руки, на которого, собственно, повалятся все шишки в случае, если в боевой обстановке проверенное оружие сработает как-то не так.

Но понятное дело, что всё это касается только миссий. Точнее, «групповых миссий», потому как одиночных заданий до последнего курса у нас нет и быть не может.

Я же в свою очередь рассказал Алисе о Лениных похоронах, пусть на поминках в «Берёзке» и присутствовали многие, на церемонию погребения урны с её прахом в стене Уробороса родного района девушки ездили из нашей Академии только я и Нина. Ну и, естественно, не обошлось без вопросов касательно нашей новой «зеленоглазой сенсации»!

Алёнку, внезапно ставшую чародейкой, да ещё и с признаками Бажовых, спалил кто-то из девушек, посещавших женское крыло госпиталя на следующий день после инициации, когда она уже активно шла на поправку. А учитывая, что как горничная она работала вполне активно, от людей не пряталась и даже при необходимости помогала служащим Академии, когда у тех случался завал, то о ней было известно. Как и о том, что она стопроцентный простец.

Так что новость, быстро разлетевшаяся по Академии, стала настоящей сенсацией. Естественно, слухов и версий о том, как такое могло произойти, появилось множество. Причём как положительных для моей репутации, так и не очень. В первую очередь вследствие того, что «потерпевшей» оказалась молодая красивая девушка примерно моего возраста.

Впрочем, по какой-то причине заставляющая краснеть сплетня о том, что я массово сношаю женщин-простецов, клепая из них таким образом чародеек, за которую один из наглых распространителей мужского пола чуть было не получил в глаз, совершенно никак не отразилась на отношении ко мне подруг. Хоть Ольга Васильевна и говорила о том, что простецы и чародеи относятся к некоторым вещам по-разному, но внутренне я уже приготовился оправ-

дываться и отбиваться от нападок за то, что опорочил честь девушки, вовсе не собираясь на ней жениться.

Другими словами, я, как всегда, в подобных ситуациях оказался не прав, полагаясь на опыт прошлой жизни, а слова моей опекунши нашли подтверждение в реальности. Да и вообще, неприятности пришли совершенно с другой стороны в виде двух незнакомых агентов «шипов», которые чуть ли не с ходу попытались обвинить меня в том, что я «садовник», и немедленно арестовать. Причём прямо на глазах у Ольги Васильевны, которую один из них очень невежливо постарался заткнуть, припугнув каторгой.

Разбираться с разъярённой Кня'жиной, одним трупом и живым, но серьёзно покалеченным ретивым служакой прибежал наш старый знакомый. Взмыленный и слегка растерявший лоск Лев Евгеньевич в этот раз был один и постоянно апеллировал к тому, что ведомство его не имеет к нам вообще и ко мне в частности никаких претензий, а пострадавшие сотрудники – недавно принятые на службу «идиоты с инициативой», которые, как известно, хуже стихийного бедствия и нового Великого Жора.

Как я понял, на фоне нарастающих проблем с уже знакомыми мне межполисными террористами эти дебилы из надзорного отдела, частично допущенные к секретной информации, решили выслужиться перед начальством. Придержав полученную информацию, в основном слухи из Академии об Алёнке, и подняв через знакомую из архива моё старое дело, разделённое, оказывается, на две разные папки, они, сложив один плюс один, получили шесть тысяч двести восемьдесят пять, сделали соответствующие «правильные» выводы и решили лично брать «страшного маньяка». Естественно, никого не предупредив, дабы не пришлось делиться халявной славой. И даже не подумав поинтересоваться в открытых источниках, что об этой ситуации думают аналитики «шипов», ведь были ещё люди, которые получили из Академии вполне официальный отчёт о том, что в Полисе «неестественным» образом стало больше на одну чародейку из клана Бажовых. Ведь даже я понимал, что такую информацию никто утаивать не станет.

Не знаю уж, что больше повлияло на говорливость Льва Евгеньевича: общая ситуация с моей титулованной опекуншей или присутствие неприметной женщины в сером плаще, представившейся нам агентом «листвы», по сути, конкурирующей с «шипами» спецслужбы, – но он был очень даже словоохотлив. Так, например, я узнал, что жуткий ритуал Цветения хрустального древа души был официально запрещён в нашем Полисе не так уж давно, примерно тогда же, когда современные радикалы-ортодоксы религии Уробороса назвались «садовниками» и начали практиковать «массовые жатвы» во славу непонятно чего.

Но это вовсе не значило, что кто-то мог ограничить превозносящие Уробороса старые кланы в использовании уже имевшихся у них «хрустальных плодов». Более того, никто не лез в то, что происходит в клановых небоскрёбах, если, конечно, не появлялась информация о том, что кто-то ворует людей, дабы извлекать из них ядра. А в моём случае, как клятвенно заверил Ольгу Васильевну Лев Евгеньевич, его ведомство даже знать не хочет, пользуясь какими клановыми тайнами, я сделал из девушки-простеца чародейку и сколько ещё могу наклепать таких же.

И уж такая честная морда была у седого «пиджака», что, по-моему, все окружающие поняли, что говорит он неправду и, если бы была такая возможность, устроил бы обыск с массовыми конфискациями. А меня отправил бы в допросную. И пытал бы самыми жёсткими способами, покуда я бы не раскололся и не признался в том, где взял яблоки своего собственного клана. Вот только ловить его на этом не стала даже дама из «листвы», предпочтя замять не нужный никому конфликт.

Забавно, но из-за случившегося казуса от Ольги Васильевны за Алёнку я так и не огрёб. Опекунша прекрасно выпустила пар на зарвавшихся идиотах. Ну и, естественно, определённую роль сыграла трагедия с Ленкой, банально отложившая мою экзекуцию. Так что отделался я

простым вынесением мозга очередной лекцией о том, что я «сначала делаю и даже затем думать не хочу», а также грозным вопросом: «Сколько?»

Пришлось не просто сказать, но и отдать, правда исключительно для того, чтобы оставшиеся яблоки были спрятаны в специальный тайный сейф, как и всё более-менее ценное из хранившегося у меня в комнате. Что оказалось весьма кстати, потому как через три дня, вернувшись с ночной тренировки с обновлённой рукой, я обнаружил, что в комнате побывал кто-то чужой, а моё хранилище взломано.

Хорошо ещё, что Алёнку тогда ещё не выписали из нашего госпиталя, да и вообще, в доме никого не было. Правда интересовала «гостей» только моя комната и мой сейф, что вполне могло быть инсценировкой от Ольги Васильевны из разряда «не расслабляйся!»

В любом случае Алисе я просто рассказал выработанную нами официальную версию с некоторыми подробностями и пресловутой «тайной клана», тем более что с Алёной Уткина уже успела познакомиться лично. Хотя, стоит сказать, что разговор с горничной даже у тихони Хельги выглядел, как аккуратная попытка понять, не претендует ли вчерашняя девушка-простец на что-либо большее, нежели грелка для кровати, и что по этому поводу думаю я. А дальше шло предложение «дружить» с разводом на полное выяснение разнообразных «девичьих секретов». В основном касающихся моего мужского достоинства и всего, что с ним связано.

Каюсь, подслушал их «тайны». Вначале проследив за пунцовеющей Хельгой, а затем и за Нинкой, пришедшей с теми же вопросами. Правда, если моим подружкам Алена, не стесняясь, рассказывала многое, то, надо отдать должное, когда к ней подвалила какая-то непонятная дамочка с точно такими же вопросами, то не добилась ровным счётом ничего, а наша умница ещё и крик подняла, заставив гостью быстро ретироваться.

Вскоре, встретившись всей толпой, мы прошли на территорию Выставки. Причём надо было видеть, с каким достоинством, словно настоящая Княжна, отстоявшая со мной в очереди Алиса приняла из рук Хельги огромный колтун сахарной ваты на палочке, которой девчонки затарились, покуда мы добывали билеты. Вот если бы не загоревшиеся при виде сладости глазёнки – решил бы, что девушка реально делает всем нам одолжение. А так, с шутками и смехом мы ввалились на центральную аллею, ведающую к главному павильону. Огромному красивому зданию с высоким шпилем, носящему название «Московский Политехнический Музей».

– Хватай, – протянул мне Громов шпажку с непонятным мясом, от которого исходил пар.

– Что это? – удивился я, принимая угощение.

– Это очень вкусно, – мило улыбнулась идущая рядом Хельга. – Странное морское животное, называемое каль-мару, со сливовым соусом и кунжутом.

– Хм… – «Животное» действительно оказалось очень необычным, я такого никогда в жизни не пробовал, да и налитая сверху густая, похожая на мёд, но не такая приторная, а немного даже кислая субстанция бордового цвета прекрасно его дополняла. – Спасибо. Действительно вкусно…

– Устроим себе незабываемые выходные! – радостно подпрыгнула Нинка, размахивая огромным шаром сахарной ваты. – Айда сразу на аттракционы!

– Я думаю, стоит вначале прогуляться и присмотреться, – величественно прикрываясь своим ярко-розовым комом и даже не откусывая, а отщипывая от него губками маленькие кусочки, пропела Уткина. – Посмотрим, что здесь есть, а затем уже решим, куда идти в первую очередь, а что оставить на потом. В конце-то концов, у нас целый день впереди!

– Ты просто хочешь вначале затащить нас в ваш, Уткинский, павильон! – обвиняющее указала на неё ватой Ефимова, грозно встряхнув своей алой гривой и притворно нахмурившись, выдала: – А он самый дальний! Так что даже не думай, что я попадусь на твои уловки! Я согласна!

– Да, да, – помахала в воздухе ручкой Алиса. – Именно это я и планировала… Когда дала тебе каталог с нашими услугами…

– Ах… там такая косметика! А какие процедуры… – Нинка аж закружилась вокруг себя на одной ножке, Хельга же, услышав о подобных женских богатствах, стрельнула в меня глазками и, густо покраснев, прикрылась сладкой ватой. – Ваш клан просто великолепен, когда дело касается женской красоты! Одно слово, водники!

– Знаю-знаю, – Алиса величественно пошла вперёд, за ней рванули девчонки, а следом уже шли мы, тихо посмеиваясь над происходящим. Уткина же громко бросила: – Кстати, мальчики, пока мы будем заняты…

– Очень-очень заняты! – вставила Нинка.

– …Вы вполне можете сходить в соседнюю «Визуальную-Технологию»! Я слышала, там много разных новейших видео-игровых автоматов.

– Да, я тоже что-то такое слышал… – Ульрих повернулся ко мне. – Антон, а чего ты Борислава со Звёздной не пригласил?

– Пригласил, – пожав плечами и щелчком ловко отправив шпажку в ближайшую урну, ответил я. – Вон у этих тихушниц спрашивай, почему Алине потребовалось ехать сюда вообще ни свет ни заря, а мне выслушивать нытьё своего казначея.

– Женские секреты вас, парни, совершенно не касаются! – фыркнула Дарья и, схватив Хельгу за руку, утянула её от нас к основному коллективу.

– Вашей знакомой просто понадобилось сделать энергетическую очистку кожи, – ответила нам вместо этих секретниц Сердцезарова. – Всё-таки стихия «тьма» не очень хорошо на неё влияет, особенно на кожу, а на очистку требует время. Сейчас она в павильоне моего клана, так что…

– Маша!

– Марья! – чуть ли не хором воскликнули Даша, тащившая за собой словно на прицепе Громову, и Нина, а Уткина даже не прореагировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.